

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Зав. кафедрой
Истории Средних веков
д.и.н., профессор Прокопьев А. Ю.

_____/_____/

Председатель ГЭК,
д. и. н. Калашникова Н. М.

Выпускная квалификационная работа на тему
Образ средневекового города в «Хронике» Гийома де Нанжи (ум.1300)
по направлению 030603 – История
профиль: Всеобщая история

Рецензент:

к.и.н., доцент

Березкин А. В.

_____ (подпись)

Выполнила:

студентка IV курса дневного отделения
Тихомирова Алина Павловна

Работа представлена в комиссию

_____ (подпись)

« ____ » _____ 201 ____ г.

Секретарь комиссии:

Научный руководитель:
к.и.н., старший преподаватель
Старостин Д.Н.

_____ (подпись)

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение	3
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	45
Заключение	60
Список использованной литературы	64

Введение

Данная работа посвящена попытке осмысления феномена средневекового города и его отражения в сознании средневековых историков как целостной структуры, включающей в себя социокультурные, политические, экономические аспекты, но и являющейся органической частью средневекового общества, существующего в символически насыщенном психологически значимом пространстве. Данное направление исследований, хотя активно развивающееся в последние десятилетия, все же оставляет большой простор для дальнейшей разработки.

Целью данной работы является попытка частичной реконструкции образа города в сознании средневекового человека на основании текста «Хроники» Гийома де Нанжи. Это сочинение – один из важнейших источников по истории XII-XIII вв., так как автор его писал свой труд в тот период, когда средневековое историописание прошло через ряд серьезных изменений в понятийном и организационном плане. Хроника Гийома де Нанжи принадлежит к группе исторических сочинений, которые можно условно назвать «всеобщими хрониками», где авторы пытались создать широкую и развернутую картину истории Европы в целом, обращая внимание, прежде всего, на политическую историю. Считается, что в этот период и были заложены основы средневекового городского общества и третьего сословия, в связи с чем «Хроника» представляет собой интересный пример для исследования города и того места, которое он занимала в средневековой военной, феодальной иерархии. В отличие от «Исповеди» Гвибера Ножанского, которая традиционно использовалась исследователями для изучения конфликта между городской общиной Лана и представителями военной иерархии, хроника Гийома де Нанжи дает прямо противоположную картину интегрированности городов в системы традиционной политической иерархии. Именно поэтому представляется интересным исследовать на предмет наличия указаний на место городов в средневековом обществе историческое сочинение, в котором автор уделяет внимание, прежде всего,

королям, традиционной знати и церкви. Представляется, что такая постановка задачи поможет понять с точки зрения наиболее непредвзятого к городской культуре источника то место, которое средневековые правители, знать и их образованное окружение могли предоставить городам.

Приблизиться к реализации данной цели позволит выполнение следующих задач: 1) Рассмотрение текста указанной хроники на предмет упоминания в ней городов, городских сообществ, различных практик связанных с городской жизнью. 2) Контекстуализация указанных явлений (определение их роли в повествовании). Определение позиции автора по отношению к городской культуре в целом и к сообществам различных городов. 3) Попытка выявления архитипических черт в представлении о городе. Город как символическое пространство. 4) Сопоставление выводов, сделанных на материале хроники с некоторыми наиболее актуальными в историографии концепциями, в том числе из области историко-психологических и социально-антропологических исследований.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала XII века, до начала XV века, что обусловлено протяженностью периода (1113-1368), отраженного в «Хронике» Гийома де Нанжи, нашем основном источнике, а также попыткой сопоставить «образ города», каким он предстает в данном сочинении, с примерами из хроник, более тесно связанных с городской культурой: были проанализированы «Хроники» Жана Фруассара (церемония въезда в Париж королевы Изабеллы Баварской (1389г.)) и анонимный «Дневник Парижского горожанина» (рассматривается период с 1405 до 1414г.), позволяющие составить некоторое представление о самосознании и саморепрезентации городского сообщества.

Остановимся подробнее на источниках. Основное внимание уделялось «Хронике» Гийома де Нанжи.

Гийом родился в середине XII в. и умер в 1300г. Он был монахом аббатства Сен-Дени, и с 1285 – архивариусом, заведовал канцелярией и библиотекой. Работая над латинскими манускриптами, на которых основаны

Большие Французские Хроники, Гийом написал «Хронику», начинающуюся от сотворения мира и доходящую до 1300 года. В период до 1113 года она почти полностью повторяет Сигеберта из Жанблу и некоторых других авторов. Далее следует оригинальный и весьма ценный текст Гийома, доходящий до 1300 г., года его смерти. «Хроника» имеет несколько продолжений, наиболее значительное из которых написано Жаном де Венетом и доводит события до 1368 года.

Перу Гийома принадлежат также «Gesta Ludovici IX», «Gesta Philippi III, sive Audacis», «Chronicon abbreviatum regum Francorum», и некоторые переводы на французский язык. Гийом имел доступ к большому собранию манускриптов Сен-Дени, и его «Хроника», за исключением последних лет, содержащих весьма подробную информацию о событиях, написана как компиляция. Тем не менее, обе его хроники были популярны и породили многочисленные продолжения.

Почти все труды Гийома были собраны в 12-м томе «Recueil des historiens des Gaules et de la France» Мартина Буке¹. Текст «Хроники» с 1113 до 1368гг, с продолжениями, был издан Эркюлем Жеро (Hercule Géraud) в 1843г. в Париже для Французского исторического общества². Первый французский перевод «Хроники» издан в «Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France» Ф.Гизо³. Среди исследований, посвященных хронике, можно отметить работу, в которой сочинения Гильома де Нанжи рассматривалось в контексте традиций историописания в монастыре Сен-Дени.⁴

Будучи представителем Сен-Дени, «королевского» монастыря, Гийом выступает как апологет французского королевского дома, утверждающий легитимность его владений и верховенство в феодальной иерархии. Автор

¹ Bouquet M., Recueil des historiens des Gaules et de la France, Paris, 1738–1876. V. 20.

² Guillelmi de Nangiago, Chronicon // Chronique Latine de Guillaume de Nangis / Ed. H. Geraud. Vol. I. Paris, 1843.

³ Guizot F., Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, Paris, 1823–1835. V. 13.

⁴ Spiegel F., The chronicle tradition of Saint-Denis, Brookline, Mass., 1978, P. 98–108.

весьма далек от городского сословия и представления о городах как о самостоятельной политической силе.

Внутригородские социальные отношения и, в частности, проблема «борьбы за коммуну» были рассмотрены на материале третьей части сочинения аббата Гвиберта Ножанского «О своей жизни», посвященной восстанию горожан в Лане против епископа Годри в 1111г. Указанное сочинение Гвиберта написано в жанре исповеди, что подразумевает скорее дидактическую интенцию в описании событий, чем их политическую контекстуализацию. Данный текст использовался в нашей работе в переводе на русский язык⁵.

Эпизод из IV книги «Хроник» Жана Фруассара, посвященный въезду в Париж Изабеллы Баварской в 1389г. изображает парадный Париж конца XIV в. и, косвенным образом, составляющие его структуры. Главное же, источник содержит подробное описание сцен самопрезентации горожан перед лицом королевской власти и знати. Жан Фруассар, в данном случае выступает как сторонний наблюдатель, не имеющий значимых связей с городом и его обитателям, что позволяет предполагать его относительную беспристрастность к предмету. Текст «Хроник» был издан Ж.Бушоном (J.A. Bushon) в 1823г. в Париже⁶ на языке оригинала, французском.

Источником же, позволившим взглянуть на Париж «изнутри» (города и сообщества горожан) стал анонимный «Дневник парижского горожанина», повествующий о событиях Столетней войны и связанных с нею гражданских войн с точки зрения парижского бюргера. В данной работе шла речь лишь о первых годах описываемых событий, что позволило не существенно удаляться от хронологических рамок «Хроники» Гийома де Нанжи как основного источника, и, в то же время рассмотреть многие специфические, только для внутрегородской жизни явления, которых не касались авторы

⁵ Гвиберт Ножанский. Восстание Ланской коммуны// Социальная история средневековья/Под ред. Е.А.Косминского, А.Д.Удальцова, 1927.

⁶ Froissart J., Les Chroniques. Livre IV/ Ed. J.A.C. Buchon. Chroniques Nationales francaises XIII-XIV siecles. Vol. XII. Paris, 1825.

выше обозначенных источников. «Дневник...» был недавно переведен на русский язык (Л.Зои) и использовался нами в форме интернет-публикации⁷.

Источником, позволившим подчеркнуть, что связь короля с городами во Франции - сравнительно давнее и значительное явление, стала «История» Рихера Реймского⁸, написанная во второй половине X в. монахом аббатства Святого Ремигия.

Перейдем к историографии вопроса.

Первая глава будет посвящена рассмотрению города как духовной конструкции, как образа в сознании человека, а также связанных с ним символов и архетипических черт, в том числе, на основании библейской традиции. Здесь представляется уместным обратиться не только к средневековой, но и к более широкой традиции европейской культуры.

Так, о «защищенных», освоенных пространствах говорит Г.С.Кнабе⁹, исследователь преимущественно античной культуры, но очень правдоподобно транспонирующий свои выводы даже на современное сознание. Его утверждения вполне справедливы применительно к средневековью, что подтверждается нашими источниками.

Иерархию сакральных пространств, и в их числе городского, составляет М.Элиаде в работе «Космос и история»¹⁰. Он излагает идею выстраивания на земле подобий, «проекций», центров трансцендентального мира, существующих в мифологически-религиозном сознании, что служит упорядочиванию пространства и общественных отношений.

⁷ Дневник парижского горожанина. / Пер. Л. Зои. (Дневник парижского горожанина [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2001– Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Pariz_gorozanin/index05_14.phtml, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – 24.04.2016).

⁸ Рихер Реймский, История. / Пер. А.В. Тарасовой (Рихер Реймский. История [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2001– Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Richer/frametext1.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – 01.05.2016).

⁹ Кнабе Г.С. Внутреннее пространство: дом, город, общество// Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко., 1995. С.224-233

¹⁰ Элиаде М. Космос и история, 1987

Исследователь В.М.Немчинов¹¹ утверждает значение метафизических и психологических предпосылок возникновения города в пространстве, их неизменное предшествование каким-либо социальным, политическим или экономическим причинам, традиционно предполагаемым решающими факторами формирования города. Его построения можно отнести скорее к области философской антропологии, но они, безусловно, важны для изучаемой проблемы восприятия города.

Развивает и детализирует подобные же взгляды Л.В.Стародубцева¹², обозначая и исследуя основные символически значимые элементы города (такие как городская стена, ворота), которые во многом, определяют и формируют самосознание горожанина, устанавливают его онтологические границы.

Об универсальности этой символической системы в восприятии города говорит М.Элиаде, доказывая ее актуальность, в том числе, для мировоззрения представителей неевропейских культурных традиций, что можно расценить как знак онтологической необходимости города.

Современный историк-урбанист, М.И.Дмитриева также подчеркивает роль образа благоденствующего города¹³, города как территории безопасности и упорядоченности в практиках самопрезентации власти, что подтверждает безусловную значимость этого пространства.

К рассмотрению городского монашества, как специфического явления в данной системе координат обращается Н.Ф.Усков¹⁴, уточняя духовную и практическую основу взаимодействия монастыря и города, прослеживая изменение в течение средневековья этих отношений и взаимного восприятия.

¹¹ Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко, 1995. С. 234-240.

¹² Стародубцева Л.В. «Городская стена» как духовная конструкция // Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко, 1995. С. 248-258

¹³ Дмитриева М.Г. «Доброе правительство» в Сиене: реальность и идеал // Проблемы современной науки. Ставрополь, 2013. С. 157-163

¹⁴ Усков Н.Ф. Монастыри в городе// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 284-312

Определение вышеозначенных духовных конструкций и мировоззренческих категорий можно рассматривать как введение к проблеме города уже как феномена средневековой цивилизации, субъекта и объекта социального и политического действия.

Во второй главе речь пойдет преимущественно о политической и социальной основе существования города, о городских структурах, в том числе о цеховой организации, о проблеме «коммунальной борьбы» и разного рода властных отношениях внутри и вовне городской среды, о городе как объекте и субъекте феодальной политике, о городе и короле. Также будут кратко обозначены теории возникновения городов.

Огюстен Тьерри¹⁵, один из первых авторов, исследовавших городское сословие, полагал, что города возникают, прежде всего, как следствие необходимости защиты от внешних врагов.

Рассматривается «торговая» теория происхождения города на примере работы Анри Пиренна «Средневековые города Бельгии»¹⁶. Автор полагает, что возникновение новых европейских городов в высокое средневековье определяется активизацией торговли, а купеческие братства становятся системообразующим фактором в социальной структуре городов.

Социолог М.Вебер¹⁷ же считает более значимым политико-административный аспект городской жизни и в своем сочинении «Город» настаивает на происхождении его из укрепленного поместья, обладающего военным превосходством над округой.

Н.П.Оттокар¹⁸ внес большой вклад в развитие средневековой урбанистики в начале XX в., коснувшись многих существенных вопросов, в том числе проблемы «коммунальной борьбы», в связи с которой он критикует бытовавшее в историографии представление о необходимом стремлении города к созданию коммуны и противодействию этому процессу

¹⁵ Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия/ Пер. с франц. Р.Ю. Виппера, 1899.

¹⁶ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. – СПб.: Евразия, 2003.

¹⁷ Вебер М. Избранное. Образ общества, 1994.

¹⁸ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века, 1919.

власти города. Н.П.Оттокар подчеркивает, что не только самоуправление города не всегда воплощалось в «коммуну», но, в целом, более правдоподобно связывать интересы и требования горожан с внешнеполитическими связями их сеньора, от которых зависели война и мир, жизнеобеспечение и торговля.

Проблема интерпретации текста Гвиберта Ножанского о восстании Ланской коммуны была освещена в статье П.Б.Донецкого¹⁹, посвященной, во многом, дискредитации точки зрения, в соответствии с которой автор представлялся противником коммунального управления и апологетом власти епископа.

Ш.Пти-Дютаи в своей «Феодальной монархии...»²⁰ подробно излагает фактологический материал, касающийся возвышения королевской власти и взаимоотношения ее с крупными феодалами и с городами.

Весьма значимы труды саратовского медиевиста С.М. Стама, одна из главных работ которого «Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII веков)»²¹, посвящена пересмотру представлений об отсутствии цеховой организации в южнофранцузских городах. Исследователь утверждает, что она все же существовала, но в форме иных, чем на севере, более гибких структур.

В вопросе о цеховой организации ремесла очень важна работа Н.П.Грацианского²², где предпринимается попытка всестороннего анализа данного явления, несколько модернизируемого автором.

Современный отечественный историк-урбанист А.А.Сванидзе²³ весьма разносторонне исследует французский город, создавая, в том числе,

¹⁹ Донецкий П.Б. От епископа до башмачника: жители Лана в восприятии Гвиберта Ножанского (на материале «De vita sua sive monodiarum»)//Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 19, 2008. С.276-286

²⁰ Пти-Дютаи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков./ Пер. с франц. С.П. Моравского, 1938.

²¹ Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII веков), 1969.

²² Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII –XIV столетиях, 1919.

²³ Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: Некоторые общие проблемы// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе, 1999 С. 9-38

обобщающие работы, позволяющие выявить специфические черты развития средневековых городов.

Одно из значительных явлений в современной отечественной урбанистике - работы А.Л. Ястребицкой²⁴, в которых город рассматривается в дискурсе относительно новых направлений в медиэвистике, таких как гендерная история и социальная антропология.

Третья глава посвящена Парижу. Город, значимый во всех отношениях, многосложный и полицентричный, политически важный и потому часто становившийся предметом и «ареной» серьезных конфликтов, он заслуживает особенного внимания. Во многом, данная глава написана на материале «Дневника Парижского Горожанина».

Интересна здесь статья П.Ю.Уварова о феномене «общественного мнения»²⁵, возникающего в кризисной ситуации крайней «социальной напряженности» в городе, находящемся в центре событий гражданской войны.

Психологическое состояние парижан в этот период, а также особенности внутригородской жизни, взаимоотношений корпораций позволяет представить работа М.Дефурно, посвященная повседневной жизни Парижа времен столетней войны²⁶.

Существенное значение для понимания специфики этого города имеют церемонии въезда в Париж королевских особ. Одну из них, процессию Изабеллы Баварской, описанную Ж.Фруассаром, анализирует Е.Ю.Акимова²⁷ с точки зрения репрезентации в ней представлений города о самом себе и о королевской власти.

²⁴ Ястребицкая А.Л., Европейский город (Средние века – раннее Новое время). Введение в современную урбанистику, 1193.

²⁵ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения. Общественное мнение? // Одиссей. 1992. М., 1994. С. 175-193.

²⁶ Дефурно М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк. Пер. с фр. / Пер. Н. Ф. Василькова. СПб.: Изд. группа Евразия, 2002

²⁷ Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти: торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара)//Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 18, 2007. С.71-85

Такова основная историографическая и источниковедческая база данной работы. Перейдем теперь к содержательной части.

Глава 1

В данной главе будет предпринята попытка рассмотрения феномена города как духовной конструкции, как образа в сознании человека. Речь пойдет о метафизике города, символизме его и его составляющих как элементов мировосприятия вообще, о мировоззренческих парадигмах и архетипах связанных с городом, которые, отчасти, находят отражение в наших основных источниках.

Кратко осветить истоки и историю представлений о городе, кажется необходимым, дабы приблизиться к пониманию городской культуры изучаемого периода.

Город и проблемы связанные с его пониманием отнюдь не могут быть сведены к традиционному перечню функций, экономических и политических причин возникновения города. Городская жизнь выходит за рамки просто вземледельческой деятельности. Город предстает многосложной структурой предметных и духовных координат, как «комплекс этико-социальных и биологических связей, образующих некое метафизическое поле притяжения... цивилизационный двигатель развития»²⁸, служащий причиной для дальнейшего «наращивания» на географическом пространстве экономических и политических структур, скоплению средств жизнеобеспечения и формированию города в полном смысле нашего представления о нем.

Характерен пример бастид – особого типа городов, основывавшихся в течение XIII века на Юго-Западе Франции сразу как городские поселения – со строгой планировкой, одним (вместо обычной полицентричности) центром – рыночной площадью. Собор в таких городах был вынесен на периферию. Большинство бастид так и не развились в полноценные города и одной из причин кажется искусственность их образования.²⁹

²⁸ Немчинов В.М. Метафизика города. С. 237

²⁹ Уваров П.Ю., Города средневековой Франции. С. 69

Трудно отрицать, что комплекс функций города, содержит и психологические аспекты. Так, само слово «город» говорит об «онтологической необходимости» существования некоего предела, границы, стены, отделяющий Город от не-Города³⁰, обжитое от чуждого. Г.С.Кнабе в своих исследованиях возводит в архетип формулу «город – всегда община, противостоящая остальному враждебному миру»³¹. Н.П.Оттокар определяет город, как некий «обнимающий всю жизненную обстановку граждан, все их потребности, все отношения... обособленный и объединенный мир»³². Так, в хронике Гийома де Нанжи строительство Филиппом-Августом стен вокруг новых кварталов Парижа на Правом и Левом берегу Сены упоминается хронистом в числе великих добродетелей короля, сопоставимой с обращением неверных.³³ Стоит отметить, что и в итальянских хрониках (чуть более позднего периода) строительство стен вменялось в большую заслугу правительству города, и даже было чертой идеализированного правления³⁴. Зачастую условные, пунктирные границы городов в виде монументальных ворот или просто знаков на въезде в город сохраняются и поныне. Черту, отделяющую город от не-города, можно, как кажется, провести и в умозрительном пространстве, как некую мировоззренческую границу между внутренним и внешним.

Стена города – помимо прочего – своеобразная духовная конструкция, как и город вообще. На божественное происхождение последнего не раз указывается в Библии. Великий город, нисходящий от Бога, как выражение абсолютной формы: куб из «чистого золота или прозрачного стекла» со стороны двенадцать тысяч стадий, «длина и широта и высота его равны»(Откр,21,16). Город воспринимается, в некоторой степени, как выстраивание подобия на земле Града Божьего.

³⁰ Стародубцева Л.В. «Городская стена» как духовная конструкция. С. 248

³¹ Кнабе Г.С. Внутреннее пространство: дом, город, общество. С. 224

³² Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов... С. 3

³³ Guillelmi de Nangiago, Chronicon, P. 75

³⁴ Дмитриева М.И. «Доброе правительство» в Сиене... С. 157-160

Прекрасный пример такого восприятия города дают нам «Хроники...» Жана Фруассара. В главе, посвященной торжественному въезду в город королевы Изабеллы Баварской, подробно описывается маршрут следования процессии, один из элементов которого – въезд в город через вторые ворота Сен-Дени, «оформленные» наподобие небесного свода, украшенного звездами, посреди которого восседал Бог, в величии трех ипостасей. Когда королева подъехала, «врата рая отворились и два ангела вышли из них и спустились к королеве» («...vinrent à la seconde porte de Saint Denis. et là y avoit un châtel ordonné, si comme à la première porte, et un ciel nu et tout estellé (étoile) très richement, et Dieu, par figure, séant en sa majesté, le père, le fils et le saint esprit... La porte de paradis ouvrit et deux anges issirent hors, en eux avalant...»)³⁵

М.Элиаде неслучайно выделяет Город наряду с Храмом и Домом как один из основных элементов, чья реальность является составной частью символики надземного центра, который уподобляет себе их и преобразует в центры земного мира³⁶.

Город – модель Мира, стена создает некое замкнутое пространство, противопоставленное остальному миру, но не абсолютно закрытое. Ворота - точки «прорыва», перехода границы. В Христианской модели мира они соотносимы с символикой Врат Ада и Рая, «вратами вечности».³⁷

Весь маршрут означенной процессии Изабеллы Баварской проходит через символически значимые центры, постоянно существующие в городе, или смоделированные в виде театрализованных представлений. Начинается путь от первых ворот Сен-Дени, завершается собором Нотр-Дам, где должна проходить коронация, и дворцом Правосудия.³⁸ От первых ворот Сен-Дени процессия приходит к винному фонтану. Помимо того, что это сооружение

³⁵ Froissart J., Les Chroniques. P. 12

³⁶ Элиаде М. Космос и история. С.33

³⁷ Стародубцева Л.В. «Городская стена» как духовная конструкция. С. 251

³⁸ Froissart J., Les Chroniques. P. 12-30

эффектно, дорого и приятно для гостей в жаркий день³⁹, стоит вспомнить и о фонтане (колодце) как неперенном центре монастырского двора, источнике как атрибуте райского сада. (Символическое значение вина в христианской культуре также очевидно). Девушки вокруг фонтана, в праздничных одеждах и золотых шляпах пели прекрасными голосами, держа в руках золотые чаши и кубки, подавая их всем, кто желал пить. («antour de la fontaine, jeunes filles très richement ornées, et sur leurs chefs chapeaux d'or bons et riches lesquelles chantoient très mélodieusement... Et tenoient en leurs mains hanaps d'or et coupes d'or ; et offroient et donnoient à boire à tous ceux qui boire vouloient »)⁴⁰ Было бы большим преувеличением утверждать, что вышеперечисленные символы употреблены сознательно и именно в указанных здесь значениях (тем более, что, помимо девушек, фонтан окружали знамена четырех знатных родов), однако и такой смысловой оттенок происходящего, кажется, нельзя исключать, ведь символическое мировосприятие не только неотъемлемо присуще средневековому сознанию, особенно применительно к такому знаковому ритуалу, как коронационное торжество, но и, в некотором смысле, синтетично – духовное и светское тесно переплетены и сосуществуют там, где они, казалось бы, несочетаемы⁴¹. (Как, например, в вышеописанном эпизоде, где не кто иной, как триединный Бог встречает королеву на воротах).

Вернемся же к маршруту торжественной процессии, дабы описать еще один образ, подобный городу-раю. После вторых ворот Сен-Дени она проследовала к Шатле, у ворот которого был устроен открытый деревянный замок. В центре его располагалось «ложе правосудия», напоминавшее королевское ложе, но кроме того, пространство замка было уподоблено райскому саду – под сенью деревьев, сделанных из срубленных веток, находился садок с кроликами и маленькими птицами, восхитившими всех присутствующих⁴². Из этого сада вышел большой белый олень,

³⁹ Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти... С. 78

⁴⁰ Froissart J., Les Chroniques. P. 10-11

⁴¹ Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти...С. 77

⁴² Froissart J., Les Chroniques. P. 14

представляющий, как кажется, символически двойственную фигуру. Известно, что олень, фигурируя в торжествах, посвященных началу правления короля, мог символизировать его легитимность.⁴³ В то же время, олень – олицетворение доброго христианина, атрибут Христа наряду с агнцем и единорогом. Десять ответвлений оленьих рогов сопоставляются даже с десятью заповедями⁴⁴. И направляется этот белый олень по сюжету представления прямо к ложу правосудия, что можно трактовать как утверждение божественной природы королевской власти⁴⁵.

Все это происходит возле Шатле, здания королевского суда, еще одного сакрального центра города, совокупность которых уподобляет город макрокосму, делает его проекцией, моделью небесного мира на земле.

В хронике Гийома де Нанжи встречаем упоминание о том как Людовик VII «много новых городов построил и старых расширил» в хвалебной речи королю⁴⁶, подобно тому, как вспоминают о постройке усопшим храма – что косвенно подтверждает сакральное значение города.

Здесь вспоминается значимость изгнания из города, исключения из общности горожан как жесточайшего наказания. Гийом де Нанжи, рассказывая о гонимых, употребляет выражение «убивали или изгоняли из города»⁴⁷ – эти две меры выглядят вполне сопоставимо. (Изгнание можно соотносить также с потерей собственного «я»⁴⁸). Аналогичен, как кажется, символический смысл (как один из смыслов) «въезда» в город знатной особы, «обретения» городским сообществом значимого человека через переход им границы города.

Мера выдворения из города (и принятия городом) свидетельствует о значении территории его, как духовной среды безопасности, транспонирующейся на систему материальных и социальных подобий внутри

⁴³ Медведев М.Ю. «Зима средневековья»... С. 207

⁴⁴ Пастуро М. Символическая история... С. 77-78

⁴⁵ Акимова Е.Ю. Восприятие королевской власти... С. 80

⁴⁶ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. С. 69-72

⁴⁷ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. С. 73-74

⁴⁸ Немчинов В.М. Метафизика города. С. 234

города. Большую роль играет здесь храмовое пространство – «место, где пребывает трансцендентальная эманация защищенности души»⁴⁹, а нередко и тела. Стоит отметить, что вышеупомянутый небесный град не имеет храмов «ибо Господь Бог Вседержитель – храм его» (Откр.,21,22). Храм действует как сакральный центр города.

Другой центр притяжения города - рыночная площадь – многоликая, неорганизованная стихия, противостоящая гармонии городской общности. Неструктурированная масса, «чернь», характеризуемая своей анонимностью (даже в рамках средневековой культуры) и безнаказанностью, «всесокрушающая сила иррационального оргазма»⁵⁰, играющая, зачастую, зловещую роль в истории города. Толпа будто временно высвобождающая человека из-под власти иных структур, что делало менее выраженными типичные черты средневекового общества – корпоративизм, полисигментарность, и, по мнению П.Ю. Уварова приближало по свойствам к современному «массовому сознанию», более открытому, «аморфному».⁵¹ Сила, несуществующая или вовсе неощутимая вне города, в сельской местности. Именно на площади есть возможность организовать «момент псевдоистины», когда спонтанное утверждение справедливости, противоположное «суду равных»⁵² выливается в резню и погромы.

Любопытно, что не только «лучшие», но и «худшие» миры могут опираться на представления о Городе. Даже Ад Данте «антиланшавтен», «там город развеян повсюду».⁵³ В Ветхом Завете мы видим и весьма зловещие образы города. Книга Бытия представляет целый ряд проклятых городов. Прежде всего, это первый город, заложенный Каином (Быт., IV, 17). Как предопределенность греховности.

Об этом родоначальнике градостроительства люди средневековья не забывают и уточняют даже, что Каин, основав первый город, изобрел также

⁴⁹ Немчинов В.М. Метафизика города, С.236

⁵⁰ Там же. С. 235

⁵¹ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения... С. 175-193.

⁵² Пти-Дютаи Ш. Феодалная монархия во Франции... С.210

⁵³ Мандельштам О. Разговор о Данте. С. 23

весы и меры, предварив тем самым введение бухгалтерского учета, процедуры, «противной свободе, великодушию и щедрости».⁵⁴ Не стоит забывать и Содом и Гоморру (Быт., XIII, 13; XVIII, 20; XIX, 1—25), символы города как очага сладострастия, матери пороков.

Однако, в Книгах Царств происходит полная переоценка взглядов на город: проклятия остаются в прошлом, начинается возвеличивание города. Положительная оценка связана, вероятнее всего, с развитием и возвышением Иерусалима.

Творцами этого успеха являются два великих царя: Давид, взявший город и приказавший перенести туда ковчег Господень (2 Цар., V, 6-12; VI), и Соломон, построивший там Храм (3 Цар., V, 15-32) и Дворец (1 Цар., VI—VIII, 1—13). Так создается материальный, институциональный и символический облик «образцового города», красивого и богатого, с прекрасными зданиями, где находятся резиденции обеих «ветвей власти», религиозной и царской.

Книги Премудростей, Псалмов и Пророков подтверждают и обобщают урбанистические образы и порождают два новых городских сюжета, которые в будущем приобретут большую важность. Исаия вводит основополагающую антитезу: Иерусалим—Вавилон, воплотившую напряженную борьбу и противостояние города хорошего и города дурного, города спасения и города гибели; противостояние завершается разрушением Вавилона (Ис., XIII). Великое эсхатологическое будущее города предсказано в пророчестве о возрождении Иерусалима (Ис., II). Новый Иерусалим даст вечное спасение не только Израилю, но и всем народам. Иерусалим, ставший при Давиде политической и религиозной столицей Израиля, жилищем Господа (Пс., LXXIII, 2), в конце времен станет местом встречи всех народов (Ис., LIV, 11; LX).

⁵⁴ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого... С.283

Городская тема звучит и в Новом Завете. Иерусалим в той мере, в какой он связан с жизнью и смертью Иисуса, вбирает в себя как положительные, притягательные стороны города, так и отталкивающие, дурные его стороны. Сцены въезда в Иерусалим (Мф., XXI, 1-17; Мр., XI, 1-11; Лк., XIX, 28—38; Иоан, II, 13; XII, 12—13) выражают зов города, тогда как укоры и проклятия (Мф., XI, 20-24; XXIII, 37; Лк., XIX, 41-44; XXI, 5—7) напоминают о, своего рода, вавилонской стороне Иерусалима, двуликого города.

Есть мнение, что иудео-христианская традиция, основанная на более древнем представлении о Рае как о природном уголке, предлагает человечеству в качестве перспективы райского блаженства сад, рассматриваемый как возврат к истокам; но постепенно происходит замена сада на город.⁵⁵

Так, поиски «иного места» порождали ирреальные города, выключенные из потока времени, часто утопические, демонстрирующие самим фактом своего существования архетипичность города в сознании человечества.

Градостроительство в целом могло противопоставляться строительству «домов божьих», а относительному комфорту городской жизни, вредному для души – странничество.⁵⁶

Даже два града Августина трактуются в XI в. как противопоставленные монастырь и мир. Особенно усиливается этот контраст при топографической близости монастыря городу. Монастырь как «Замок Господа» против города, «исполненного пороков» и «земных наслаждений».⁵⁷

Хроника Гийома де Нанжи изобилует примерами «очистительного», освящающего действия монастырей. Один из них - рассказ об основании Святым Бернардом Клервосского монастыря на прежде опасной земле из-за бывшей неподалеку пещеры разбойников:

⁵⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого... С.285

⁵⁶ Усков Н.Ф. Город в монашеской теологии, С.286

⁵⁷ Там же, С.285-9

«Clarevallis autem non longe est a fluvio Alba; quae antiquitus fuit spelunca latronum, et vallis absinthialis dicebatur propter amaritudinem incidentium in latrones». ⁵⁸

Процветание монастырей служит доказательством праведности французского народа, французского короля, который его олицетворяет. Подтверждает эту мысль и обратное событие: «турки», мусульмане, одержав военную победу над Бодуэном Иерусалимским отправляются разрушить монастырь, совершить поругание святыни, а значит проявить свое истинное лицо. («Turci coenobium in monte Tabor situm funditus evertunt, monachos interficiunt, et omnia ibi diripiunt»). ⁵⁹

Вернемся же к городским монастырям. Вскоре, в том же XII веке это противопоставление перестает быть столь резким - понятие благочестия связывается скорее с *caritas*, жертвенной любовью, и потому требует не столько монастырского уединения, сколько общества человеческого, где, в служении ближним, ведении паствы, выражается божественное служение.

Также стоит сказать, что в рассматриваемый период именно в городах расцветают ереси. Горожане, ввиду достаточно высокого уровня грамотности, становятся критически настроенной по отношению к церкви социальной группой. Одну из причин распространения ересей видят в несовершенстве священства в городах. Потому новое, нищенствующее монашество – францисканцы, доминиканцы, кармелиты – возникает как исключительно городское – стремящееся вернуться к «апостолическому» служению, проповеди в миру. Хотя нельзя сказать, что изоляция старого монашества от города вполне реализовывалась (прямой запрет на основании там монастырей содержится лишь в цистерцианском уставе, а в большинстве старых городов, сохранившихся с римских времен были бенедиктинские обители), противопоставление «монастырь-город», представление о городе как обители греха исчезает лишь в уставах новых орденов. Нищенствующие

⁵⁸ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 6

⁵⁹ Ibid. P. 3-5

монахи впервые стали рассматривать горожан, не бывших включенными в трехчастную систему общества Бернарда Клервосского, как некую специфическую общественную группу.⁶⁰

Стоит сказать отдельно и о таком явлении как город осажденный, изоляция порождает ощущение целостности мира внутри городских стен. К тому же, политические перипетия напрямую влияли на жизнь горожан – осады, неустойчивость продовольственного рынка в связи с военными действиями – возможно, все это могло давать горожанам чувство еще большей органической неотделимости судеб городского сообщества от правителей, от которых, так или иначе, зависело «внешнеполитическое» положение города.

Подчеркнем наиболее существенные черты архетипической модели города: представление о городе как о сфере безопасности, а о городских стенах как о границе между «своим» и «чужим» мирами, между которыми существуют точки прорыва – городские ворота. Характерна соотнесенность земного города с небесным, Божьим градом, их подобие. Важно существование в городе ряда сакральных центров, которые обеспечивали бы онтологическую самодостаточность города.

⁶⁰ Усков Н.Ф. Город в монашеской теологии. С.286

Глава 2

Вторая глава будет посвящена попытке рассмотрения наиболее важных историографических вопросов, связанных с феноменом города, через призму «Хроники» Гийома де Нанжи, и сочинений Гвиберта Ножанского, насколько они позволяют осветить соответствующие проблемы.

Несколько слов стоит сказать о взглядах на процесс формирования городов.

О.Тьерри говорит о том, что генезису городов содействовали внешние и случайные причины – страх перед опустошениями норманнов заставлял окружать стенами жилые помещения, а зависимое население, скопившееся в этих укреплениях, постепенно переходило к городскому образу жизни, даже к самоуправлению.⁶¹ Как замечает М.Вебер, город был не единственным и не древнейшим видом крепости – в пограничном районе укреплялась каждая деревня.⁶²

Но возведение оборонительных сооружений в III веке на протофранцузской территории все же считается реакцией на первые нашествия германцев, после которых история городов Франции подчиняется ритмам опустошения и возрождения.⁶³ Тогда религиозные функции сохранили от упадка многие галло-римские города. Важнейшую роль стали играть города по Луаре – Париж, Пуатье.

Стоит подчеркнуть, что средневековые города (и сохранившиеся с античности, и новые) развивались как структура феодальной среды, как ее часть. Распространение же городского образа жизни, уже в новом тысячелетии, обозначило новый этап в средневековой истории – теперь «ведущей линией общественной эволюции стала динамика взаимоотношений города и деревни»,⁶⁴ что повлияло на «расстановку» регионов на всем пространстве Европы. В начале средневековья основное типологическое

⁶¹ Тьерри О. История происхождения и успехов... С. 54-55

⁶² Вебер М. Избранное. Образ общества... С. 318

⁶³ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.60

⁶⁴ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.25

разделение проходило по оси север-юг, то есть по старой границе между античным и племенным миром, «двумя обществами, не имевшими между собой ничего общего, кроме религии»⁶⁵. Так, на Юге все знатные и богатые семьи продолжают еще какое-то время жить в городах, сохраняющих, с точки зрения О.Тьерри, «формы гражданской жизни» и муниципального управления.⁶⁶

Ко времени же условного завершения процесса градообразования в Европе, когда городская жизнь стала неотъемлемым и одним из определяющих элементов всей Европейской цивилизации, эта ось развернулась по линии запад-восток.⁶⁷

Между серединой VIII и IX веков аристократия и светские власти покидают города и переезжают в загородные резиденции. Роль религиозно-культурных центров переходит к монастырям. Важнейшие стратегические позиции занимают замки, в значительной степени, берущие на себя функции защиты окрестного населения во время вражеских набегов. Значение торгово-ремесленных центров имеют виги (города-порты) и ремесленные поселения – немногие из них перерастут впоследствии в города. Поселения, возникающие вокруг пригородных монастырей, иногда обзаводятся своими собственными стенами и не уступают по своему значению и численности населения ситэ.⁶⁸ Зачастую они перерастают в отдельные города, чего обычно не происходило с поселениями, окружавшими удаленные монастыри; исключения составляют лишь Муассак и Сен-Дени. Последний представляет собой особый случай, будучи одной из резиденций королей и местом хранения королевских инсигний. (Здесь и в первой половине XIII века собираются королевские советы)⁶⁹ Особое значение Сен-Дени, не нуждающееся, впрочем, в доказательстве, явственно просматривается в «Хронике» Гийома де Нанжи. Приводится эпизод, где достопочтенный аббат

⁶⁵ Тьерри О. История происхождения... С.44

⁶⁶ Там же, С. 43

⁶⁷ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.25

⁶⁸ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.63

⁶⁹ Пти-Дютаи Ш. Феодалная монархия во Франции...С. 208

Сугерий реформирует, по своей добродетели, монастырский устав⁷⁰. А также активно участвует в церковной жизни Франции⁷¹. Характерно, что аббатство Сен-Дени традиционно являлось «отправной точкой» маршрута королевских въездов в Париж.⁷²

Итак, большинство французских городов, как утверждает П.Ю.Уваров, образовались вокруг ситэ античного происхождения. Некоторые – в основном вдоль северо-восточных водных артерий – вокруг портовых поселений. Велика и роль власти в градообразовании, приамковые города были призваны также защищать важные торговые пути (города по Луаре, Фландрские города).⁷³

М.Вебер полагает, что бург – крепость сеньора, где бы он жил со своим гарнизоном, семьей и челядью, является решающим фактором образования города, ибо крепость означала военное господство над регионом.⁷⁴

По мнению М.Вебера город сразу же стал социально отделяться от деревни, но возникал всегда как сеньориальный - земля, на которой он находился принадлежала кому-то, а значит основой отношений его с господином служила сеньориальная собственность и личный договор. То есть изначально горожане являются коллективным вассалом сеньора и находятся от него в зависимости, главным образом финансовой, но и личной. Некоторые города, в результате успешной коммунальной борьбы становились коллективными сеньорами по отношению к округе.⁷⁵

(Материал хроники Гийома де Нанжи позволяет соглашаться с этой точкой зрения: в тексте фигурируют преимущественно города со старым, античным основанием, или же – города, отождествляемые с сеньорами, понимаемые как крепость и почти исключительно как военная сила).

⁷⁰ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 13-14

⁷¹ Ibid. P. 19-20

⁷² Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти...С. 71-85

⁷³ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.64

⁷⁴ Вебер М. Избранное. Образ общества... С. 319

⁷⁵ Сванидзе А.А. Средневековые города... С. 25-29

Здесь стоит привести точку зрения Н.П.Оттокара, полагавшего, напротив, что *urbs* и *suburbia* не противопоставлялись друг другу, и не имели разной социальной природы, скорее под *urbs* понимались в том числе и окрестности города. Принципиально же разделяются эти понятия лишь в том контексте, где идет речь именно о крепости, городе как оплоте военной силы, тогда и окрестность означает существенно более широкое внегородское пространство, чем пригород.⁷⁶

Интересно заметить, что епископские города строились в более труднодоступных местах – на изгибах рек, высотах, островах. Характерно, что города-порты, например, на Мозеле и Луаре, отмечали не дневные перегоны судов, а отвечали ритму сухопутных дорог, что можно расценить как свидетельство меньшей важности речной, чем сухопутной торговли.⁷⁷

Город связан, главным образом, с собственной округой в радиусе 5-30 км – отсюда в город стекались «иммигранты», приходили на рынок крестьяне, призывались люди для участия в оборонительных работах. Пригородная местность тяготеет к укрепленному городу как к центру некой объединенной и, нередко, обособленной общности, как к источнику правовых норм и отношений.⁷⁸ Концентрация в городах юридических и административных функций, а также королевских служащих, клириков, разного рода феодальных управляющих способствовала «развитию более высокого стиля потребления», поощряя, таким образом, развитие торговли.⁷⁹

Торгово-ремесленную теорию возникновения городов выдвигает Анри Пиренн, утверждая, что города возникают преимущественно как купеческие колонии, возле торговых путей и во многом из пришлого населения, которое является «естественно» свободным, ввиду выхода из прежних социальных

⁷⁶ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ... С. 1-2

⁷⁷ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции. С. 65

⁷⁸ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ...С. 3

⁷⁹ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции. С. 65-67

структур и «тотчас» создает новые братства, логически вытекающие из особенностей купеческих занятий.⁸⁰

Впрочем, П.Джоанк также связывает подъем городов в XI-XIII в. с активизацией торговли и считает купцов силой, более всего повлиявшей на складывание структур и топографии новых городов⁸¹.

Специалист по итальянской урбанистике, Л.М.Брагина⁸², применительно к подъему итальянских городов, также называет главным фактором торговлю, подчеркивая, однако, принципиальное различие специфики этих процессов в зависимости от региона, а также наличие многих исключений – городов, развивающихся в русле иных тенденций, чем это в целом свойственно данной территории.

М.Вебер же утверждает, что политико-административный аспект важнее торгового, приводя в пример множество городов, жители которых обеспечивали себе пропитание продуктами собственного хозяйства. Города в правовом смысле отнюдь не всегда были развиты в экономическом плане.⁸³

Н.П.Оттокар подчеркивает, что не является определяющим и сосредоточение главных публичных функций и прав в руках одного сеньора: при множестве носителей различных прав и функций город может существовать как «объединенный мир». Важно, чтобы эти компетенции осуществлялись в рамках единого городского мира и охватывали его целиком⁸⁴.

Впрочем, одним из определяющих положений современной урбанистики А.Л. Ястребицкая называет признание множественности источников роста города: «не только континуитет или община или купеческое поселение, как считали историки XIX в., но и континуитет, и община, и купеческое поселение, и церковно-монастырские центры, и

⁸⁰ Пиренн А. Средневековые города...С. 150-154

⁸¹ Johanek P. Merchants, markets and towns // СМН. Vol. 3. Pt 1. Cambridge, 2008. P. 64

⁸² Брагина Л.М. Средневековый город Италии. С. 44-46

⁸³ Вебер М. Избранное. Образ общества... С. 319

⁸⁴ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ...С. 3-4

княжеская вотчина и рыночный посад - все это оказывается источником роста города»⁸⁵.

Своего оптимума рост французских городов достигает к XI-XIII веку (только 12% ныне существующих городов основаны после 13 века). А.Л.Ястребицкая отмечает, что в XIII веке возникают многочисленные мелкие города, в том числе вокруг монастырей.⁸⁶

Тогда же, начиная с 1070 года (город Ле Манн) начинают возникать клятвенные союзы горожан, жителей бурга, стремящихся управлять жизнью своего города самостоятельно, распоряжаться доходами, быть подсудными собственному суду. Зачастую формирование коммун приводило к столкновению с феодальным сеньором или епископом, и обычно городам удавалось выкупить свои свободы за ту или иную сумму. Так, первые «коммунальные» восстания в городах происходят еще в XI – начале XII вв., тогда короли следуют политике немедленного извлечения выгоды – продают городам свободы.⁸⁷

Наиболее известный пример коммунальной борьбы во Франции – восстание Ланской коммуны, описанное Гвибертом Ножанским. Важно отметить двойственность позиции автора. О первом «коммунальном» периоде жизни города (1111-1112гг) он не сообщает ничего дурного, из чего можно сделать вывод – он не осуждает коммуну вообще, как форму правления и организации жизни⁸⁸. В то же время, говоря об отмене коммуны с согласия короля, Гвиберт Ножанский упрекает его в нарушении клятвы:

«С его согласия, вопреки заповедям божьим, все его клятвы и клятвы епископа и сеньоров были нарушены и объявленными не имеющими силы, без всякого уважения к святым дням и королевскому достоинству»⁸⁹.

По этому, и многим другим эпизодам (например, начиная рассказ о коммуне, Гвиберт пишет с возмущением: «Сеньоры и их слуги совершали

⁸⁵ Ястребицкая А.Л. Средневековый город и проблемы... С. 101

⁸⁶ Ястребицкая А.Л. Европейский город ... С.201-215

⁸⁷ Пти-Дютаи Ш. Феодальная монархия во Франции... С.75

⁸⁸ Донецкий П.Б. От епископа до башмачника: жители Лана... С. 279

⁸⁹ Гвиберт Ножанский, Восстание Ланской коммуны...С. 232-243

открыто грабежи и разбои»⁹⁰) можно утверждать, что автор выступает не столько против коммуны и горожан, как это принято утверждать,⁹¹ сколько за сохранение «социального порядка», за выполнение каждым его сословных функций, осуждая лишь тех, кто ведет себя не соответствующе своему статусу. «Главное для него – это человеческие пороки и преступления, и проистекшие отсюда беды... Только к этому у него отношение определенное и постоянное»⁹². (Хочется отметить, что ряд пороков, за которые порицает Гвиберт епископа⁹³, и которые становятся причиной восстания и кровопролитий в городе почти с точностью совпадает с тем, что почти два столетия спустя определялся в итальянских (сиенских) городских хрониках как черты «дурного правления» («гордыня, жестокость, предательство, обман, ярость»)⁹⁴ и причина внутрегородских раздоров). Подобное совпадение можно отнести на счет не только общехристианских представлений о мудром правителе, но и специфики городской среды.

Пожалуй, самое известное высказывание Гвиберта Ножанского:

«Это новое и весьма дурное слово «коммуна» означает, что все зависимые должны выплачивать своим господам раз в год обычные повинности, а за свои противозаконные поступки платить установленный штраф. От несения же прочих повинностей и оброков, которые обычно налагаются на сервов, они совершенно освобождаются».⁹⁵

Оно наводит на мысль, что коммуна для автора, как и любые проявления специфически городской политической активности, горожане вообще как значимая политическая сила, не игравшая прежде существенной роли – явления именно «новые», и потому весьма сомнительные для Гвиберта.

⁹⁰ Гвиберт Ножанский, Восстание Ланской коммуны...С. 232-243

⁹¹ Например: Люблинская А.Д. Источниковедение...С.139

⁹² Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ...С. 8-12

⁹³ Донецкий П.Б. От епископа до башмачника: жители Лана... С. 276-286

⁹⁴ Дмитриева М.И. «Доброе правительство» в Сиене...С. 160

⁹⁵ Гвиберт Ножанский, Восстание Ланской коммуны...С. 232-243

Вышесказанное кажется справедливым и применительно к «Хронике» Гийома де Нанжи. Весьма красноречиво характеризует отношение хрониста к городу как к социально-политическому феномену тот факт, что, говоря о событиях 1113-1115гг, он совершенно не упоминает коммунальное восстание в Лане. Хотя наиболее драматичные события восстания (1111-1112гг) выходят за хронологические рамки хроники, последующий союз горожан Лана с Томасом де Марль, будучи важным этапом этого «коммунального конфликта», не только не описывается, даже не упоминается. Гийом сообщает лишь о победе Людовика VI над Томасом де Марль, как об одной из успешных военных компаний против неверных феодалов. («*Odonem vero, comitem Corboliensem, et Hugonem de Creciaco, Guidonem de Rupe-Forti comitem, et Thomam de Marla tyrannum sibi adversantes perpetuo exheredavit; Haimonem etiam, dominum Borbonis, suppeditans munitiones ejus; et omnium praedictorum oppida ad suam jurisdictionem revocavit...*»⁹⁶).

Организация горожан могла иметь различную структуру и название, потому современные историки-урбанисты с пессимизмом относятся к намерениям установить некоторую иерархию в степени независимости городов – слишком разнообразны локальные варианты.⁹⁷ Еще Н.П. Оттокар в начале XX века подчеркивал, что, даже когда источники сообщают об установлении «коммуны», это не всегда означает отсутствие в городе самоуправления и некой автономии прежде. Даже, напротив, в некоторых городах «коммуна», если понимать под ней формы самоорганизации и возможности для политического самоопределения, существовала «всегда».⁹⁸ Кроме того, этот же автор указывает, что сама «борьба за коммуну» - позднейший конструкт, тогда как интересы и потребности людей средневековья часто были связаны скорее с внешними отношениями, от которых зависели направления торговых путей, безопасность дорог и снабжение продовольствием. В связи с этим, внешние отношения городских

⁹⁶ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 6-7

⁹⁷ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции. С.64-65

⁹⁸ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ...С. 15, 47

властей, несоответствие их интересам горожан предполагается более вероятной причиной внутрегородских волнений.⁹⁹

Небывалый подъем французских городов в XI-XIII вв был вызван, как считает П.Ю.Уваров, с глубокими экономическими сдвигами. Специфика страны проявилась в том, что все теории происхождения городов в равной степени находят подтверждения на территории Франции.¹⁰⁰

Однако характерной чертой для французского города является его тесная связь с королем. Хроника Гийома де Нанжи, главная идея которой состоит в утверждении королевской власти, очень мало внимания уделяет городам и их отношениям с королем, тогда как феодальные связи короля, его верховенство в соответствующей иерархии составляют центральную тему повествования.

Возможно, хронист вообще не признает города как значимую силу – в хронике действуют лишь представители первых двух сословий. Две плоскости, в которых разворачиваются события: мир феодальной иерархии, военной силы, справедливости в системе соподчинения - светской справедливости; и мир божественного правосудия, святости, подвижничества - монастырей, праведной и легитимной папской власти. При этом кажется правомерным утверждение, что хроника сообщает и о непосредственных знаках божественной воли, и даже божественного правосудия. Стихийные бедствия, чудеса и роковые случайности, рассказы о которых составляют существенную часть текста, сопутствуют важным политическим событиям, маркируют их. Например, хронист будто намеренно умалчивает о поражениях Людовика VI в военном противостоянии с английским королем в 1118-1119, но, в то же время, насыщает рассказ об этих годах описанием землетрясений, детей-мутантов, родившихся в эти годы, зловещими знаменами. («Tercio decimo kalendas januarii, prima hora noctis, igneae acies a septentrione in orientem in coelo apparuerunt; deinde per totum coelum sparsae ,

⁹⁹ Там же. С. 16- 55.

¹⁰⁰ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.64-65

plurima noctis parte videntibus miraculo et stupori fuerunt...».¹⁰¹) Но, конечно, одним из самых ярких примеров демонстрации автором божественного вмешательства служит эпизод, где Людовик VI вступает в конфликт с клиром, и, выказывая нежелание принимать от него мольбы о прощении, король в качестве наказания теряет сына и наследника, который гибнет в результате прискорбной, даже унижительной, случайности. Данная трактовка событий является духовнику короля в видении: «Accidit autem [postea] ut praesente sancto viro Bernardo episcopi multi, regis indignationem flectere cupientes, tota humilitate prostrati solotenus ejus tenerent vestigia et nec sic gratiam obtinerent. Qua ex re vir Dei Bernardus, animosa religiositate permotus, altera die regem durius increpans quod sprevisset Domini sacerdotes, libere eidem denunciavit quod eadem nocte sibi fuerat revelatum ; «Наес, inquit, obstinatio primogeniti tui Philippi morte mulctabitur»; quod ita accidit sicut patet superius».¹⁰²

Действия пап и аббатов, играющие большую роль в повествовании, также имеют не только прямое значение для хода политических событий, но и косвенное: подчеркивая «активность церковной жизни», многочисленные контакты с папой автор указывает на признанность Франции Римской церковью, утверждает ее как силу, поддерживающую королевскую власть, более того – «по обычаю папа обратился за помощью ко Французскому королю»:

«Gelasius autem papa , cum a sancta sede imperatoris et Romanorum tyrannide arceretur, ad tutelam et protectionem Ludovici regis Franciae et Gallicanae ecclesiae compassionem , sicut antiquitus consueverunt antecessores sui Romani pontifices, confugit, indicto Remis concilio».¹⁰³

Светскую же иерархию, доказывает Гийом де Нанжи, возглавляет французский король. Он выше «императора Римского», ибо тот не только был отлучен папой, но в дальнейшем, уже его наследник, император Лотарь

¹⁰¹ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 7-10

¹⁰² Ibid. P. 22-23

¹⁰³ Ibid. P. 7-10

изображается низжайше прислуживающим папе в торжественной процессии, что указывает на подчеркнута репрезентативную функцию этого услужения:

«Liutherius imperator, cum magna archiepiscoporum, episcoporum et optimatum regni Theutonici [comitiva] occurrens, et hurailime se ipsum stratorem offerens, pedes per medium sanctae processionis, una manu virgam ad defendendum, alia frenum albi equi accipiens, tamquam dominum ad episcopalem ecclesiam sic perduxit. Descendente vero tota statione eum suppodando deportans, celsitudinem paternitatis ejus notis et ignotis clarificavit»¹⁰⁴

В то же время Людовик VI, как отмечалось ранее, фигурирует едва ли ни как покровитель папы, его первый защитник. Не в лучшем свете выставляет императора и эпизод, где он, вдохновленный обидой и злобой, собирается идти походом на Францию, а французский король впоследствии только по своему благочестию и праведности не разоряет земли императора Генриха:

«Sed Ludovico Francorum rege in occursum ejus, cum copioso exercitu, veniente, timens [imperator] Francorum audaciam et probitatem tam cito [ad propria] remeavit. Quo Franci comperto, sola archiepiscoporum et episcoporum ac religiosorum prece virorum, a terrae imperatoris devastatione vix se continere valuerunt».¹⁰⁵

Кроме того, в Реймсе, в городе французских королей, папа проводит собор, и даже лично коронует будущего Людовика VII, после смерти Филиппа. («Synodus magna Remis celebratur a papa Innocentio secundo, in qua multis ad honorem Dei dispositis, dominus Innocentius Ludovicum [alterum Ludovici regis Francorum filium], pro Philippo fratre, quem de equo ejectum porcus occiderat, vivente adhuc patre coronavit in regem».¹⁰⁶)

Как было сказано выше, основная тема для хрониста – сильная королевская власть. Однако, фактически авторитет ее явно недостаточен. Так, рассказывая о феодальной войне короля за замок Гурне с Гуго де Креси,

¹⁰⁴ Ibid. P. 21-22

¹⁰⁵ Ibid. P. 14

¹⁰⁶ Ibid. P. 22-23

Гийом считает необходимым описать грабежи и злодеяния последнего, подтверждая, тем самым, правомерность действий короля:

«Ludovicus rex Franciae obsidet castrum Gornaii supra Matronam, contra Hugonem de Pumponna, dominum Creciaci, qui rapinis intentus mercatorum [naves per fluvium transeuntes exspoliabat], et apud Gornaium spolia deducebat»¹⁰⁷.

О слабости королевской власти в указанный период пишет, например, Д.Бейтс¹⁰⁸. Также стоит отметить, что после победы Людовик VI распределяет свои владения между собой, своим сыном и своим союзником, Ансо де Гарландом, тогда как Хронист указывает только на передачу замка последнему («...sed rege viriliter decertante, eos ad fugam compulit, et castrum in deditionem accepit atque Garlandensibus commisit»¹⁰⁹), подчеркивая справедливость короля как сеньора.

Людовик VI осуществляет правосудие: мстит за преступления против своих вассалов и наказывает предателей. («Quod scelus a Ludovico rege Franciae citius et viriliter vindicatur, [nam diversis cruciatibus omnes proditores Karoli occisores permulctavit]»¹¹⁰). В то же время, автор указывает на невыполнение аналогичных функций английским королем Генрихом: «графа Нормандского... его дядя Генрих, король Англии, лишил его наследства». («Guillermus, filius Roberti ducis Normanniae, quem patruus suus Henricus rex Angliae, palre ejus incarcerato, exheredaverat»¹¹¹). Стало быть, и король Англии не отличается тем достоинством и добродетелью, которые присущи французскому королю.

Лишь в контексте двух этих ценностных систем – рыцарской и церковной - происходит что-либо существенное для автора. Городу нет здесь места, он не имеет значения, если не является выражением силы феодального сеньора или духовного лица.

¹⁰⁷ Ibid. P. 3-5

¹⁰⁸ Bates D. West Francia: the northern principalities //СМН. Vol. 3. Pt 2. Cambridge, 2008. P. 398

¹⁰⁹ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 3-5

¹¹⁰ Ibid. P. 17-18

¹¹¹ Ibid. P. 17

Интересным эпизодом в хронике является рассказ о городе Туре, который не только принадлежит Плантагенетам, противникам на тот момент короля французского, но и имеет внутренний конфликт между клиром и горожанами («Combusta est ecclesia beati Martini [Turonensis] et castrum per guerram clericorum et burgensium»¹¹²). Конфликт, который, кажется, подтверждает некое «отрицательное» значение этого города в глазах Гийома и делает еще более правомерным дальнейший захват города «властью Христа». («Tyrus a Christianis terra et mari obsessa capitur, et Christi imperio subjugatur»¹¹³)

Однако, города, тесно связанные с королевской и церковной властью, имеют для Гийома большое значение. Один из главных в этом отношении, как уже упоминалось, Реймс.

Стоит подчеркнуть, что в конфликте за папский престол в 1119 году между Каликстом II и Григорием VIII поддерживали которых, соответственно, французский король Людовик VI и император Генрих V, Гийом де Нанжи подчеркивает легитимность первого, указывая, что он провел в Реймсе (что само по себе кажется престижным для Франции) собор, созданный еще его предшественником. («Nunc concilium a praedecessore suo Remis indictum celebravit»¹¹⁴). И отлучение на нем Генриха V демонстрируется как справедливый суд над отпадшим от церкви. («Dum autem pro reconciliatione imperatoris et ecclesiae ibidem cum legatis imperatoris tractaret nec profecisset, Calixtus papa ipsum imperatorem cum suis fautoribus excommunicavit»¹¹⁵).

С этим конфликтом связан и один из немногих в части хроники, посвященной правлению Людовика VI, эпизодов, где фигурирует город. В данном случае – Рим, поддерживающий нового папу и встречающий его «распростертыми объятиями» («Papa vero Calixtus, post concilium Remense,

¹¹² Ibid. P. 13

¹¹³ Ibid. P. 15

¹¹⁴ Ibid. P. 10-11

¹¹⁵ Ibid. P. 10-11

Romam proficiscens , ab omni senatu et populo gloriose suscipitur»¹¹⁶). В скором времени эти не названные никак иначе римляне, сторонники папы, отправляются в Сорренто низвергнуть антипапу и привести его, в высшей степени нечестивого, на суд Святого престола:

«Nec multam fecerat in sede moram, cum Romani, ejus tam nobilitati quam liberalitati faventes, Burdinum schismaticum et antipapam, apud Succam sedentem, et ad limina Apostolorum transeuntes clericos genuflectere compellentem, expugnatum tenuerunt. Quem crudis et sanguinolentis pellibus caprinis amictum per medium civitatis conducentes , imperante domino papa Calixto, perpetuo carcere in montanis Campaniae captivatum damnaverunt...».¹¹⁷

Красочно описанное выше нечестие антипапы, кажется, не только имеет значение для Гийома де Нанжи как для клирика, но наполнено и политическим смыслом: Генрих V поддержал дурного папу и это характеризует его как недостойного правителя.

Крайне важно для данной работы, что очень редки в хронике эпизоды подобные этому – где под словом город подразумевается сообщество горожан, действующий субъект политической жизни, не тождественный одному сеньору.

Однако, можно предположить, что такое невнимание к городу со стороны Гийома объясняется и прочностью в городах королевской власти, отсутствием необходимости утверждать ее, подобно верховенству в феодальной иерархии, на котором настаивает хронист.

Многочисленные подтверждения «изначальной» прочности королевской власти в городах мы видим в ранней «Истории» Рихера Реймского. Например, в IV книге он приводит эпизод едва ли не «общественного договора» между королем и горожанами: король предлагает им кандидатуру их будущего сеньора, всячески подчеркивая, что не стесняет

¹¹⁶ Ibid. P. 11-12

¹¹⁷ Ibid. P. 11-12

их свободы выбора. Горожане, в свою очередь, доверяются королю как своему «естественному» господину.¹¹⁸

Гийом де Нанжи рассказывает, как однажды «король [Филипп-Август] попросил помочь брабантцев»¹¹⁹ и одержал победу – обратившись к горожанам. Эпизод, этот намекает на естественность связи короля с городом (во много потому, что он упомянут вскользь). Почти все северные города поддерживали Филиппа-Августа, время его правления можно назвать периодом наиболее крепкого союза между королем и богатыми горожанами.¹²⁰ Встречается также ситуация когда город остается верен королю в феодальном конфликте, тогда как «доминирующий» над ним замок принадлежит его врагу:

«Erat autem civitas Xantonarum regis Franciaе, sed castrum fortissimum quod supereminebat civitati erat regi Angliaе»¹²¹.

Подобная ситуация представляется явственным проявлением эволюции города в XII – XIII в. Применительно к началу XII в. Гийом де Нанжи почти не говорит о городе, воспринимая его как о часть владений сеньора; трудно представить, чтобы город обладал в тот момент собственной политической инициативой. Однако, уже к концу XII в. и позднее город (как в приведенных выше примерах) усиливается настолько, чтобы вести самостоятельную политику.

Возможна различная типология средневековых городов – по регионам, размерам, ведущим функциям, системе укреплений, способам управления, объему вольностей, и при многочисленных общих чертах жизнь городов будет существенно различаться.

Всячески настаивает на разнообразии французских городов Ф.Бродель. «Встречаются города, похожие друг на друга, но, как правило, каждый город живет по собственной «социальной формуле»»,¹²² - утверждает он.

¹¹⁸ Рихер Реймский, IV кн., гл.24-27

¹¹⁹ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 69-72

¹²⁰ Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции... С.278

¹²¹ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. C.420-432

Однако, как отмечает А.Л.Ястребицкая несмотря на важность локальной специфики городов, ее не следует преувеличивать: «"разнообразие в пространстве" волей или неволей, заслоняет перед исследователями, не только то общее, что присуще средневековому городскому феномену, [но] и движение во времени...». ¹²³

Все же очевидно существует разделение городов по «профилю» - одни славились ремеслами, другие университетами, торговлей, почитаемым монастырем.

В средневековом городе формируется особое сословие горожан, в экономическом и социальном отношении связанное с предпринимательской деятельностью. Собственность горожан, так или иначе, включала земельную, но в основном складывалась за счет трудовой деятельности, связанной с рынком. Горожане лично свободны, подсудны городскому суду, имеют право распоряжаться своим имуществом. ¹²⁴ Эти привилегии, «правообязанности» фиксировались в городских хартиях. О.Тьерри полагает, что именно с ними связано возрастание значения письменного закона, ¹²⁵ более активная рецепция римского права, с его нормами частной собственности. Также значились в хартиях и условия принадлежности к городскому сословию. Первоначально к нему причисляли всех горожан, связанных со специфическими городскими занятиями, но со временем расслоение внутри городского населения усиливается и уже в XII-XIII веках термин «бюргер» обозначает уже только полноправных горожан, к числу которых не относятся представители городских низов. Последние, таким образом, отстранены от городского управления. К тому же статус бюргера, требующий наличия некоторой собственности, которая позволяла бы нести городское тягло, передавался по наследству или приобретался путем особой процедуры, варьировавшейся в зависимости от региона. Нередко одним из требований

¹²² Бродель Ф., Что такое Франция? С. 58

¹²³ Ястребицкая А.Л. Средневековый город и проблемы... С. 103

¹²⁴ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.33

¹²⁵ Тьерри О. История происхождения и успехов... С. 62

было владение землей в пределах города (позднее ее заменило движимое имущество), некий взнос в городскую казну и членство в одной из корпораций города. В результате бюргерство становится замкнутым сословием – кругом лиц, реализующих городские права.¹²⁶

Помимо бюргерства в городах нередко проживали феодалы с многочисленными слугами, монахи, крестьяне-огородники, рыбаки, студенты, каждая из этих групп была в определенной степени обособлена и, в то же время, тесно связана с остальными. Существовали также, вне королевского домена «королевские горожане», лица под королевской юрисдикцией, которые могли требовать, чтобы их судил король.¹²⁷

Наряду с «профессиональными» объединениями в городе существовали духовные, соседские, приходские воинские объединения, составлявшие своего рода иерархию – корпоративная структура пронизывала все городское сообщество. Горожанин входил обычно сразу в несколько объединений, что позволяло ему разносторонне воспринимать себя и окружающих. Во время праздничных шествий члены каждого братства приходили отдельной группой в одежде и со знаками своей корпорации, в церковные праздники собирались на литургию в собственной церкви (часовне, предделе городской церкви), устраивали совместные пиры. Все это формировало мировоззрение, представление о своем месте в общественной системе и о цельности их сообщества.

Эти замкнутые социальные группы одновременно объединяли, но и разобщали горожан – существовала враждебность между цехами и по отношению к возникавшим мануфактурам. Бюргерское общество, динамичное в сравнении с аграрным, разделяло с ним тенденцию к воспроизводству самого себя, было не способно расширяться.¹²⁸

К тому же в городах нередко столкновения между богатыми и бедными. Муниципальные должности захватывали представители богатой

¹²⁶ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.34

¹²⁷ Пти-Дютаи Ш. Феодалная монархия во Франции... С.273

¹²⁸ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры С.222

буржуазии и управляли свободными городами в своих интересах, притесняя бедный люд, что вызывало восстания.¹²⁹

Нельзя не отметить, что в городах южной Франции цеховая организация не возникла вовсе (или, как утверждает С.М.Стам, существовала в более слабых и гибких формах¹³⁰); «свободное» ремесло регулировалось городскими властями, мастера объединялись в более подвижные, формально не организованные группы.¹³¹

Впрочем, очевидно, что юг Франции почти во всем «шел своим путем»; как отмечает Ф.Бродель, «если нечто происходит на севере, на юге то же самое совершается иначе и наоборот»¹³².

В южных городах, в связи с удаленностью короля, бесчинствовали его сенешали – взымали налоги, не оправданные обычаем, захватывали частную собственность, проводили реквизиции, не уплачивая за них, третировали жителей и вообще считали себя почти независимыми и могли бы создать своего рода феодализм чиновников на юге, если бы Людовик Святой не принял меры.¹³³

Прежде его правления каждый барон был у себя полным хозяином, связанным с королем почти только феодальной присягой, он сам даровал коммунальные хартии своим городам¹³⁴. Королевская власть в XII веке была достаточно слаба, Филиппу-Августу нередко изменяли его вассалы, а одна из их коалиций едва не погубила его династии.

Положение на юге подчеркивает политическую неоднородность Франции – точно можно сказать только, что там не возникали независимые города-республики, подобные итальянским. Ф.Бродель подчеркивает, что ввиду длительного формирования территории Франции, постепенного присоединения отдельных земель с помощью завоеваний и династических

¹²⁹ Пти-Дютаи Ш. Феодальная монархия во Франции... С.256

¹³⁰ Стам С.М. Экономическое и социальное развитие.... С. 120-143

¹³¹ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.32

¹³² Бродель Ф. Что такое Франция? С. 65

¹³³ Пти-Дютаи Ш. Феодальная монархия во Франции... С.259-262

¹³⁴ Там же С.213

браков, с каждой из них заключался ряд договоренностей, даровались свободы, могущие существенно отличаться от прав земель и городов, ранее перешедших под власть Французского короля. «Монархия не сгладила различий между провинциями, она лишь приспособилась к ним и постаралась использовать... при решении собственных задач»¹³⁵.

Многие города долгое время не имели вообще никакой формальной организации горожан (Париж, Орлеан). То же можно сказать и о сфере производства и торговли. Хотя в некоторых городах корпоративные организации купцов и ремесленников (особенно в таких центрах сукноделия как Аррас, Руан, Бове, Париж, Лилль) возникают довольно рано – уже в XII веке, но подобные организации существовали не во всех городах и представляли не все отрасли ремесленного производства.¹³⁶

Впрочем, большинство городов так и не обрело полной самостоятельности. Наименее результативной была борьба с сеньором-епископом. (Там, где имела место борьба – Н.П.Оттокар настаивает на том, что самоуправление отнюдь не было насущной потребностью горожан, и стремление к нему сильно преувеличено в историографии¹³⁷). Характерно также, что более полного комплекса свобод (самоуправление, подсудность своему суду, распоряжение частью налога, избавление от экстраординарных сборов, монополия в области торговли и ряда ремесел, право на прилегающие угодья, ест) добивались крупные города, а мелкие зачастую получали лишь отдельные привилегии (обычно, торговые) и оставались в большей зависимости от сеньора.¹³⁸

Отдельные экономические привилегии получают тогда же и города, не имеющие коммун. Таковым был Париж; долгое время сеньором города был Парижский епископ и Ситэ считался епископским городом. Но король, оценив важность его, наделяет ганзу «Купцов на воде» новыми

¹³⁵ Бродель Ф. Что такое Франция? С. 59

¹³⁶ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.65

¹³⁷ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов ... С. 10-30

¹³⁸ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.25-29

привилегиями, торговыми и судебными; Филипп-Август явно покровительствует ей. В 1263 году в Париже появятся купеческий прево и четыре эшвена, - своеобразная форма самоуправления. Жители соседних бургов долгое время сохраняют свою независимость от Парижа, находясь под юрисдикцией своих сеньоров-аббатов и пытаясь сопротивляться городскому налогообложению. В XIII веке появляется университетская корпорация, неподсудная светским властям (включавшая также обслуживающих ее ремесленников).

В течение первой четверти XIII в. коммунальное движение было так же поощряемо королевской властью, как и в конце XII – Филипп-Август и Людовик VIII подтверждали или даровали разрешение на устройство коммуны, в том числе и во вновь присоединенных областях северо-востока. Основной целью было обеспечить себе хорошие укрепления и милицию в городах. Филипп-Август подтверждает и хартии данные сеньорами - зарождается представление, что король является естественным сюзереном всех коммун королевства.¹³⁹

В правление же Людовика IX ситуация меняется – он не считает нужным уважать городские права видя в них выражение интересов лишь богатой городской «верхушки»; король подтверждает существующие хартии, но новых коммун почти не учреждает. Появляется взгляд на коммуны как на «малолетнего ребенка», которого нужно опекать. Король пытается поставить под свой финансовый и административный контроль порядка 35 городов своего домена, а также несколько епископских городов, и в его правление эта схема работает. Людовик IX требует предоставления ими финансовых отчетов королевской курии, это с одной стороны шаг борьбы с городской олигархией, с другой - города являются для короны значительным источником средств, для изыскания которых, в частности, и изучаются финансовые дела коммун. К концу правления Людовика Святого северные

¹³⁹ Там же С.278

города испытывают существенный налоговый гнет, в то время как в южных, страдающих от произвола баронов, напротив восстанавливаются усилиями короля права муниципий. В это правление основываются и новые города, что свидетельствует об экономическом процветании в целом и о том, что городская жизнь притягивала к себе население.

Нередко города называют базой политической централизации, благодаря взаимовыгодному союзу с королем. Известно, что когда речь шла о финансовых вопросах, монетном деле короли нередко обращались к горожанам (в частности Парижа, Провена, Орлеана, Санса, Лана)¹⁴⁰

Так или иначе, города становятся социальной основой «национальных образований». В дальнейшем, города будут играть существенную роль в парламентах. «Город открыл западной Европе широкие ворота в новое время».¹⁴¹ Можно утверждать, что средневековые города и бюргерское сословие стали одной из основ западноевропейского менталитета и возникающего гражданского общества. Уже с XII века проявляется новый тип человека и общества как специфически городской, светский, иногда антиклерикальный. Город становится центром школьного обучения и университетов, именно в городской среде зарождается характерное для ренессансной литературы стремление к проявлению индивидуализма.¹⁴²

«Именно в городах в наибольшей мере получила развитие человеческая личность, конкретная средневековая индивидуальность, отличавшаяся цельностью и органической слитностью со всей общественной средой».¹⁴³

Необходимо отметить, что на протяжении хроники Гийома де Нанжи, которая охватывает (вместе с продолжением) достаточно продолжительный период (1113-1368гг) значение образа города возрастает. Города упоминаются как предмет спора, с ними чаще бывают связаны существенные политические события, однако для автора город остается будто лишь одной

¹⁴⁰ Пти-Дюгайи Ш. Феодальная монархия во Франции... С.209

¹⁴¹ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.37-40

¹⁴² Там же С.39

¹⁴³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры С.222

из форм ландшафта или королевского домена. Упоминаются они до самого конца хроники только в связи с феодальными конфликтами либо стихийными бедствиями, предоставляя весьма скудные сведения о внутренней жизни города. Несмотря на это, в хронике ясно прослеживается усиление городов, встречаются эпизоды, где города выступают в союзе с королем против своего прежнего сеньора или же оказывают военную поддержку королю по его просьбе.

Глава 3

Обратимся теперь к Парижу, становящемуся уже в ту пору ядром королевского домена. Дабы проследить возрастание значения Парижа, усложнение его внутренней жизни (в том числе возникновение феномена «общественного мнения»), будут рассмотрены, кроме «Хроники» Гийома де Нанжи, «Хроники» Фруассара и анонимный «Дневник Парижского Горожанина», дающие ценный материал для изучения внутренней жизни города и повествующие о событиях, отстоящих от описываемых в «Хронике» Гийома де Нанжи, лишь на несколько десятилетий.

Париж занимает исключительное положение среди французских городов – уже в XII веке он не знает себе равных, становится, своего рода, моделью для других городов.

Он может служить иллюстрацией к концепции города М.Вебера, полагавшего, что только комплекс признаков: наличие укрепления, рынка, своего суда и собственного права, корпоративность и хотя бы некоторая связанная с ней автономия и автокефальность создают Город, городскую общину.¹⁴⁴ Так, в Париже существовало несколько центров притяжения, вокруг которых организовывалось городское пространство – собор, епископская резиденция, королевский дворец, Гревская площадь, Большой рынок, приходские церкви. Такая полицентричность свойственна пространству почти всех французских городов, за исключением замковых.¹⁴⁵

Что касается исключительности Парижа, Гийом де Нанжи сообщает, что город этот был основан троянцами¹⁴⁶ - то есть он является проводником и наследником высшей светской власти от одного из древнейших в мифологическом сознании средневековья ее источников. Преемником троянцев становится Филипп-Август, потому, что он укрепляет и

¹⁴⁴ Вебер М. Избранное. Образ общества... С. 324

¹⁴⁵ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции. С.69

¹⁴⁶ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 69-72

поддерживает (мостит крепкими камнями и восстанавливает¹⁴⁷) город «благословенный» троянцами, которые дали Парижу его имя.¹⁴⁸

Ко времени «каролингской стабилизации» численность его населения достигает 20 тыс. человек, к XI веку восстанавливаются и вновь оживают бурги, окружающие Париж и пострадавшие во время нормандских нашествий. И уже в XII веке Париж играет роль одного из крупнейших интеллектуальных центров, резиденции королей династии капетингов, важного порта на Сене и центра сукноделия.¹⁴⁹

Однако в хронике Гийома де Нанжи большая роль Парижа почти не отражается – особенно это касается начала хроники. Например, за все время правления Людовика VI Париж упоминается лишь трижды, вскользь – и только как локация, не как общность горожан и даже не как город королевского домена. (Также как и почти любой город в хронике фигурирует лишь как резиденция своего сеньора, но намного чаще – как географическое наименование).

Во времена Филиппа-Августа, как и его преемников, большинство королевских актов составляются в Париже – наиболее обычной резиденции короля.¹⁵⁰ Комиссии королевских судей постепенно утрачивают свой кочевой характер и оседают в Париже. На то есть несколько причин – большое число тяжущихся не может следовать за королем в его перемещениях по стране; к тому же, под влиянием нормандских традиций начинает преобладать письменное судопроизводство, закрепляется обычай сохранять наиболее важные решения, а значит становится необходимой канцелярия, некое постоянное помещение.¹⁵¹

¹⁴⁷ Ibid. С. 70

¹⁴⁸ Ibid. С. 70-71

¹⁴⁹ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции. С.66

¹⁵⁰ Пти-Дютаи Ш. Феодалная монархия во Франции... С.204

¹⁵¹ Там же. С.213

Одной из ценных привилегий парижан было право на освобождение от налогов на продажу вина «из собственных виноградников». (Виноградарство вообще сыграло большую роль в развитии городов к северу от Луары).¹⁵²

Первой торгово-ремесленной корпорацией Парижа были мясники, получившей привилегию от Людовика VII в 1165 году. В целом, в XII веке активно развивались торгово-ремесленные кварталы, формировался Парижский университет, подъем переживал и Ситэ, там возводились новые приходские церкви, во второй половине столетия началось строительство собора Нотр-Дам – на пожертвования горожан, что еще раз подчеркивает экономическое процветание города в тот период. В XII веке создается «ганза купцов, торгующих по Сене» - до конца средневековья ни один «иностранец» купец не мог провезти свои товары из Парижа или в Париж, не вступив в компанию с парижскими купцами.¹⁵³

В XIII веке в Париже насчитывалось около 300 цехов, устанавливавших монополию на свой вид деятельности, не допускавших к ней «чужаков», становившихся всё более замкнутыми корпорациями. Они были способом выживания, общественной организацией, построенной на общинно-уровневых принципах (сама регламентация всех подробностей ремесла ставила членов корпорации одного ранга в насколько возможно равные условия¹⁵⁴). Уставы корпораций содержали не только трудовые, но общественные и моральные нормы, мельчайшую регламентацию многих сторон жизни. В известной мере корпорации ограничивали, создавали специфическое узко-корпоративное отношение к миру, сужали кругозор бюргера,¹⁵⁵ но одновременно вырабатывали нормы поведения, дисциплину, обеспечивали «социальную защиту». Со временем отдельные корпорации стали обладать большим политическим весом, играть ощутимую роль в

¹⁵² Уваров П.Ю. Города средневековой Франции С.66

¹⁵³ Там же. С.68

¹⁵⁴ Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи... С.78-83

¹⁵⁵ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С.219-224

управлении городом, создавая цельный и самодостаточный *corpus* внутри города.¹⁵⁶

Однако в хронике Гийома де Нанжи не уделяется внимание этим внутригородским корпорациям. Города вообще крайне редко выступают в тексте как субъект политического процесса, тогда как происходящее внутри города для автора совершенно не значимо.

Несколько слов стоит сказать о «Хрониках» Жана Фруассара. В IV книге автор изображает въезд в Париж Изабеллы Баварской, организованный, оплаченный и проведенный, роскошно и изобретательно, горожанами. Однако и здесь хрониста интересует скорее политический смысл и иерархия процессии, а не роль в ней самой городской корпорации (которая была весьма значительна). По утверждению Е.Ю.Акимовой, горожане были достаточно сильны, чтобы «представить монарху свое видение образа города»¹⁵⁷, и, исходя из своих возможностей, решали сами как принять королеву¹⁵⁸. С точностью и вниманием перечисляются и описываются все представители знати, ехавшие в кортеже¹⁵⁹, почтенные горожане, присутствовавшие в процессии, не персонифицируются и обозначаются как великое множество – «двенадцать сотен», одетые в нарядные зеленые и алые платья, располагавшиеся по обеим сторонам дороги:

«Et étoient des bourgeois de Paris douze cents tous à cheval et sur les champs rangés d'une part du chemin et de l'autre part, parés 'et vêtus tous d'un parement de gones (robes) de baudequin vert et vermeil»¹⁶⁰.

Интересно отметить, что одежда горожан не только роскошна, но и однообразна в цветовом отношении, «контекстуализирована» в цельное

¹⁵⁶ Сванидзе А.А. Средневековые города... С.32

¹⁵⁷ Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти...С. 74

¹⁵⁸ Цатурова С.К., «На ком платье короля?» Королевские чиновники...С. 218

¹⁵⁹ Froissart J., Les Chroniques. P. 7-9

¹⁶⁰ Ibid. P. 7

зрелище, что может расцениваться как демонстрация городом единства, солидарности и достоинства перед лицом королевской власти¹⁶¹.

Важно подчеркнуть и репрезентацию феодальной иерархии на одном из этапов въезда: у монастыря Святой Троицы на помосте был устроен замок, по обеим сторонам которого стояли персонажи, изображавшие, соответственно, войска Саладина и войска крестоносцев, возглавляемые французским королем в окружении двенадцати пэров, а также войско Ричарда I. При приближении королевы король Ричард I направляется к королю Франции и испрашивает разрешение атаковать Саладина. После утвердительного ответа начинается бой:

«...Le roi Richard se départit de ses compagnons et s'en vint au roi de France et demanda congé pour aller assaillir les Sarrasins et le roi lui donna. Ce congé pris, le roi Richard s'en retourna devers ses douze compagnons, et lors se mirent en ordonnance et allèrent incontinent assaillir le roi Sal-Hadin et ses Sarrasins, et là y eut par ébattement grand'bataille »¹⁶².

Эта сцена вполне ясно показывает, что английский король воспринимается, прежде всего, как вассал французского короля, а Столетняя война – как нарушение вассальной верности. Двенадцать пэров, окружающих короля, можно воспринимать как символ объединения, цельности королевства¹⁶³.

Завершая разговор о въезде Изабеллы Баварской, стоит упомянуть еще один, значительно более весомый пример присутствия вассалов короля во властной иерархии: в сцене коронации Изабеллы Баварской корону на ее голову возлагают епископ Парижский, герцог Беррийский, Бургундский, Турень и Бурбон¹⁶⁴.

Такая существенная роль знати в коронации традиционна и свидетельствует о сохранении значимости вассальных связей. Отношения с

¹⁶¹ Акимова Е.Ю. Восприятие горожанами королевской власти... С. 75

¹⁶² Froissart J., Les Chroniques. P. 11-12

¹⁶³ Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти... С. 78

¹⁶⁴ Froissart J., Les Chroniques P. 17

городом строятся подобным образом – королевская власть в Париже сильна и город всячески демонстрирует ей свою поддержку, но в то же время находится в диалоге с королем. Пышный прием, оказанный Изабелле Баварской, о котором шла речь выше, и щедрые дары ей от представителей города, безусловно, свидетельствуют о почитательности горожан, но самой роскошью и дороговизной праздника город напоминает королю о своем могуществе, об объеме ресурсов, которыми он располагает, и, кроме того, выражает надежду на ответный дар – восстановление старых привилегий города или же дарование королем новых.¹⁶⁵

Парижское население представляло собой силу тем более грозную, что оно было хорошо организованным с военной точки зрения. Поочередно патрулировать улицы и городские укрепления должны были различные ремесленные корпорации. (При этом в «Дневнике Парижского горожанина» мы наблюдаем особенный пассаж, намекающий, по мнению комментаторов, на превосходство городского ополчения над дворянским).¹⁶⁶

Итак, в Париже существовали элементы «уличного войска», к чьей помощи можно было прибегнуть для того, чтобы угрозой и силой подкрепить определенные требования, но это «уличное войско» крайне трудно было успокоить после того, как оно «расходилось». Так было, например в 1413 году, когда, вследствие утраты руководителями восстания контроля над народными массами, была нарушена неприкосновенность резиденции: «горожане снова взяли за оружие и отправились в отель Сен-Поль, в каком обретался брат королевы, и схватили его, не спрашивая о том его желания, и взломали дверь в помещение, где он находился»¹⁶⁷

Группировкам, оспаривавшим друг у друга власть, необходимо было обеспечить себе материальную и моральную поддержку Парижа. И потому в эти беспокойные годы с той и другой стороны то и дело раздавались

¹⁶⁵ Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора ... С. 64-65

¹⁶⁶ Дневник парижского горожанина... Гл. 55

¹⁶⁷ Там же. 62.

«призывы к общественному мнению» в виде манифестов, памфлетов, объявлений и даже проповедей.

Важнейшим компонентом общественного сознания, своеобразно отраженном в «Дневнике парижского горожанина» является феномен «общественного мнения». Дискуссионный вопрос – применим ли этот термин для средневековья – подробно рассматривается П.Ю.Уваровым. Исследователь приходит к выводу, что только с значительной степенью условности и неточности возможно отразить это явление с помощью современных терминов и потому предлагает использовать привычную формулировку «общественное мнение».¹⁶⁸

Следует рассмотреть его основные черты. Общественное мнение следует отделить от иных проявлений общественного сознания, уже в силу его специфического формирования. Вышеназванный автор приводит следующий пример: «Представления о рыцарстве, бытующие в обществе, сами по себе еще не есть общественное мнение. Но сквозь эти представления оценивалось поведение рыцарей в битве при Пуатье. Собственно, оценка и была общественным мнением, которое, в свою очередь, определило некоторые изменения в коллективных представлениях о рыцарстве».¹⁶⁹

То есть для функционирования общественного мнения необходима система стереотипов, коллективных установок. В том числе элементы идеологии и то, что принято называть менталитетом, и ценностные ориентации, обладающие разной степенью устойчивости и неодинаково распространенные в обществе. Важно, что стереотипы существуют еще до того или иного события.

Так, поведение чиновников в Париже оценивалось согласно клише: они воруют, а государственное управление неэффективно («средние раздавлены были налогами, а беднейшие не знали, куда им деваться»¹⁷⁰) Поэтому

¹⁶⁸ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения... С. 175-193.

¹⁶⁹ Там же...

¹⁷⁰ Дневник парижского горожанина..., Гл. 78.

требования реформ, поддержанные бургундскими герцогами, и новые обвинения в казнокрадстве падали на благодатную почву.

Роль стереотипов достаточно активна: они нередко предопределяют оценку события, но сами при этом могут радикально измениться после обработки события общественным мнением. Так, Горожанин (и та социальная группа, мнение которой он отражает) возмущен заключением Осерского мира, а поддерживавших его характеризует следующим образом: «..каковые ранее пеклись о благополучии короля и общественном благе, а ныне всей душой предались достижению их жалких и зловредных целей»¹⁷¹

Объектом общественного мнения, его предметом может быть любое событие в самом широком смысле этого слова: человек, его поведение или высказанная идея, политическая акция — всё, что подкрепляет или опровергает его имидж.

Особым, специфическим объектом являлся лидер общественного мнения — человек, чьи действия постоянно находились в фокусе оценок. Прежде всего — сам король. Например, все источники отмечают, что король надел белый колпак (символ бургиньонов) во время торжественной мессы в мае 1413 г., приводят отдельные фразы короля, описывают его жесты. Если же король исчезает из поля зрения, это ощутимо беспокоит Горожанина: «увезли короля в Тур, чем весьма взбудоражили весь народ»¹⁷²

Не менее значимым лидером общественного мнения в тот период был и Иоанн Бесстрашный — далее, в той же главе - упования на волю герцога и способность его определять ситуацию: «везде же твердили, что имейся (испр. случись) герцогу Бургундскому быть здесь, они бы не осмелились совершить то, что совершили»¹⁷³.

В то же время, требовался и «антигерой» общественного мнения: например, герцог Орлеанский, а также другие вожди арманьяков. Горожанин не упускает ни одного повода изобразить их самыми черными красками.

¹⁷¹ Дневник парижского горожанина... Гл. 59

¹⁷² Там же. Гл. 5

¹⁷³ Там же. Гл. 5

Например, нападение отрядов арманьяков в битве за Бурж описывается следующим образом: «Незадолго до того, как сказанному перемирию вышел срок, жалкие предатели совершили вылазку, и было их великое число, они же собирались предательски напасть и застать наших солдат врасплох»¹⁷⁴. Напряженное внимание ко всем проступкам антигероя.

Отчасти, вышесказанное справедливо и по отношению к более раннему периоду, о котором идет речь в хронике Гийома де Нанжи. Так, феодалы, против которых воюет король, совершают всяческие дурные поступки¹⁷⁵, а сам король и его союзники воплощают добродетели¹⁷⁶. Однако, что касается феномена общественного мнения, едва ли он присутствует в хронике в том же виде, как в «Дневнике парижского Горожанина», о котором шла речь выше. Гийом де Нанжи, будучи клириком, не только не представляет себе городскую среду «изнутри» и не живет ее жизнью, но будто не видит ее вообще, не придает значения. Из этого следует, что образ правителя, как и любого «объекта осмысления» не формируется стихийно, не является неким малопредсказуемым вектором общественной жизни, который отражается в источнике «post factum», но скорее сознательно создается, формулируется автором.

В указанных примерах роль лидера была predetermined, поскольку речь идет о сакральных фигурах короля и принцах крови. От успехов или просчетов лидера зависел лишь знак, с которым он оценивался общественным мнением.

Но, кроме них, «на гребне политических событий» в «Дневнике Парижского Горожанина» появлялись и временные лидеры — живодер Симон Кабош, проповедник Эсташ Павильи, прево Пьер Дезэссар, палач Капелюш. Их положение было менее стабильным, и их оценки легче меняли свой знак. В период пика популярности все их действия подвергались столь же постоянной оценке, что и поведение принцев. Лидером могла быть и

¹⁷⁴ Дневник парижского горожанина... Гл. 52.

¹⁷⁵ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. C. 4-5

¹⁷⁶ Ibid. P. 14

целая корпорация, окруженная харизматическим ореолом, — парламент, университет. «Тогда же Университет, весьма преданный королю и народу, с великим... прилежанием и весьма благоразумно, как ему было присуще...»¹⁷⁷

В тексте Гийома де Нанжи подобных временных лидеров нет. В хронике действуют и названы по именам только персонажи высокого или очень высокого статуса, иерархия значимости которых просматривается достаточно ясно: первостепенное значение для хрониста имеют французский король и Папа; за ними следуют император Священной Римской империи и английский король, а также наиболее почитаемые представители церкви (например, святой Бернард); следующая «ступень» - епископы, аббаты, графы и их наследники. Почти все прочие персонажи безымянны.

Значимый лидер имеет определенный кредит доверия, от неверного, с точки зрения Горожанина, решения его авторитет нисколько не страдает — всегда находится оправдание: «они объявили нечто противоположное собственному мнению, каковое ими высказывалось неоднократно до того, как будто бы их к тому подтолкнул сам дьявол»¹⁷⁸

Подобный пример мы видим в сочинении Гвиберта Ножанского, объяснявшего согласие короля на нарушение собственной клятвы (отмену коммуны) следующим образом: «Король Людовик, сын Филиппа, был настолько выдающейся личностью, что, казалось, был создан именно для величия трона... хороший во всех отношениях, он не заслуживает похвалы лишь в том, что слишком легко открывал душу и уши для дурных людей, испорченных жадностью»¹⁷⁹.

Также объектом общественного мнения становилась высказанная идея, а также мистифицированные события, и ложная информация, особенно если общественное мнение находилось в возбужденном состоянии. Так, казненный Пьер дез Эссар был снят с виселицы и похоронен «ночью, тайно

¹⁷⁷ Дневник парижского горожанина... Гл. 60.

¹⁷⁸ Там же. 71

¹⁷⁹ Гвиберт Ножанский, Восстание Ланской коммуны...С. 232-243

от парижан, при свете всего лишь двух факелов»¹⁸⁰, поскольку иначе пробургундски настроенные горожане, по-прежнему считая последнего предателем, могли поднять бунт.

Когда речь идет о городской среде, трудно определить, что именно станет объектом общественного мнения и какую реакцию он вызовет. Но в политике Иоанна Бесстрашного мы видим явное стремление подбирать объекты (что удавалось ему весьма успешно). В определенной последовательности парижанам подавались события, идеи, жесты. Бургундский герцог дважды возвращал «цепи» народу Парижа. Кроме того, заботясь о сохранении собственной популярности у мясников, он присылал руководителям корпорации бочки с вином из своих бонских виноградников, а в 1412 г. пешком следовал за гробом одного из мастеров Большой Бойни. Не менее почтительно он вел себя с преподавателями Университета, подчеркивая, что относится к ним с величайшим уважением, и предлагая им высказывать свои мнения по поводу планов правительственных реформ.¹⁸¹

Для функционирования общественному мнению необходима информация об объекте. Потенциал ее воздействия может превосходить кажущуюся реальную значимость объекта. Самые чудовищные и самые невероятные планы приписывались противнику на основании ничтожных поводов: бургиньоны распустили слух, будто их противники готовят массовую резню населения, и собрали у себя все полотно, какое только смогли найти, чтобы сделать из него мешки, в которых собираются топить в Сене парижских женщин.¹⁸²

Информация может быть спонтанной — в источниках постоянно встречаются слова «слухи», «шушуканье», «ропот». Но, конечно, лучше сохраняется информация, направленная по определенным каналам. Сюда относятся различного рода тексты, письма, сообщения.

¹⁸⁰ Дневник парижского горожанина... Гл. 80.

¹⁸¹ Дефурно М. Повседневная жизнь... С.111–133.

¹⁸² Там же. С.111–133.

Важнейшим каналом информации были устные официальные сообщения — королевские распоряжения зачитывали в специальных местах — на перекрестках, на рынках, оглашались в церквях — с кафедр и на папертях. («...Приказано было на всех перекрестках Парижа объявить о заключении мира»¹⁸³)

Слово проповедника с успехом выполняло роль средств массовой информации и порой быстро изменяло политические настроения горожан. Жан Жерсон и Жан Пти собирали огромные аудитории; проповеди Эсташа Павильи весной 1413 г. вдохновили парижан на штурм Бастилии и осаду королевского дворца.

Роль этого канала информации хорошо осознавалась властями, пытавшимися установить контроль над проповедями.

В этом огромную роль играл университет — ведь большинство проповедников были его членами. В октябре 1411 г. правительство, приняв важное постановление против арманьяков, обратилось к университету: «Вы опубликуете сие, и будете торжественно произносить во время проповеди, и велите делать это вашим подданным в Париже и в иных городах королевства, как вы делаете по обычаю».¹⁸⁴

Информация не всегда была текстовой — письменной или устной, «провозглашенной с кафедры или нашептанной на ухо». Существовал язык символов — жестов, поступков и т.д. Достаточно вспомнить процедуру оправдания герцога Бургундского, на которую он явился в латах, надетых под роскошную одежду— герцог выступал перед Королевским судом не безоружным, следовательно, это не суд.¹⁸⁵

Красноречива в этом отношении сцена встречи папы Иннокентия II и императора Лотаря в 1130 году, описанная Гийомом де Нанжи. («Когда Папа

¹⁸³ Дневник парижского горожанина... Гл. 76.

¹⁸⁴ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения... С. 175-193

¹⁸⁵ Там же. С. 186

сел на коня, Лотарь его поддерживал все время за ступню, показывая тем самым ... всю величину достоинства святого Отца»¹⁸⁶)

Очень важен был выбор языка информации. В тот период, когда культурное единство городской общины не было столь сильно нарушено, как в последующие столетия, с языком символов, обычно, не возникало недоразумений. С текстами дело обстояло сложнее: оправдательная речь Жана Пти в защиту герцога Бургундского была понятна университетской аудитории и имела большой успех у нее, но убедительно для широкой публики (когда возникла необходимость ответить на опровержение оправдания) выступать он не мог¹⁸⁷.

Здесь нуждается в упоминании и очевидный момент – ярко выраженная структурированность общества – крайнее удивление выражает Горожанин по поводу всеобщего налога: «самый странный налог, какой когда-либо существовал, поскольку никто во всем Париже не был от него свободен: ни епископ, ни настоятель, ни приор, ни монах, ни послушник, ни каноник, ни священник с бенефицием или без, ни сержант, ни уличный музыкант, ни клирики из приходов, ни еще кто-либо, к какому бы сословию он ни принадлежал».¹⁸⁸

Исследователи отмечают и другие тенденции: в Париже начала XV в. наряду с дробностью мнений различных корпораций и общин можно наблюдать временный распад старых, устойчивых форм группового сознания и возникновение новых, более аморфных, открытых.¹⁸⁹

Следует говорить о специфичности общественного мнения в ту эпоху. Иным было уже само конструирование и осмысление этого института – термины «совет» и «представительства» кажутся более подходящими. Также бросается в глаза специфика средств коммуникации, отсутствие книгопечатания, влияющие на логику развития событий. Еще раз стоит

¹⁸⁶ Guillelmi de Nangiago, Chronicon. P. 21

¹⁸⁷ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения... С. 185

¹⁸⁸ Дефурно М. Повседневная жизнь... С.111–133.

¹⁸⁹ Уваров П.Ю. Париж XV в.: события, оценки, мнения... С. 175-193

подчеркнуть, что «общество» той эпохи представляется скорее складывающимся из множества сегментов – огромна роль общин и корпораций. Иначе складывались отношения между человеком и коллективом – «свобода индивида была скорее свободой маневра, свободой самоидентификации с той или иной группой, свободой выбора модели поведения».¹⁹⁰

Важно подчеркнуть сочетание внушительных размеров агломерации с сохранением ориентации на личный характер контактов. С появлением новой политической фигуры авторы дневников XV — начала XVI в. бывают явно озадачены тем, что они ее не знают, используют слова, переводимые на русский как некто, неизвестный — с оттенком удивления.¹⁹¹

Париж начала XV века можно характеризовать как находящийся в ситуации социального взрыва, бурного динамического развития; здесь велика роль народных масс, толпы – порождения урбанизма, действующего деструктивно, будто временно высвобождая человека из-под власти иных структур (стереотипов поведения).

В ту эпоху голод, дороговизна жизни, денежные поборы еще более, чем казни и изгнания, поразившие лишь часть населения, стали основными факторами, повлиявшими на жизнь Парижа.

Многие социальные изменения произошли в годы гражданских войн. Появился класс вновь разбогатевших горожан, в то время как старые семьи оказались полностью разорены.

И все же мы не сможем составить верного представления о красках жизни в те трудные годы, если будем видеть лишь мрачную и трагическую ее сторону. Недавние испытания и неуверенность в завтрашнем дне придавали еще большую яркость удовольствиям и радостям существования.

Такой же беспокойной и полной резких контрастов, как парижская жизнь в течение полувека, была и жизнь большей части крупных городов, в

¹⁹⁰ Там же. С.184

¹⁹¹ Там же. С.189

особенности тех, которые из-за своей политической роли или стратегического положения обречены были становиться предметом спора между политическими партиями.¹⁹²

В заключение данной главы необходимо отметить, что роль Парижа в течение рассматриваемого периода существенно возросла – от весьма непримечательной части королевского домена в правление Людовика VI (в начале «Хроники» Гийома де Нанжи), до политического центра исключительной значимости ко временам Столетней войны. Обладание этим городом (и, во многом, поддержка его населения) стали едва ли не определять судьбу королевской власти во Франции.

В тексте «Хроники» Гийома де Нанжи, Париж, как уже отмечалось, не имел большого значения на всем ее протяжении. Тому может быть несколько причин. Наиболее существенным кажется тот факт, что в качестве «города французских королей» в данном тексте фигурирует скорее Реймс – город коронации, город, где утверждается сакральное значение королевской власти, первичное по отношению к политическому. Аббатство Сен-Дени, где Гийом пишет свою хронику, более значимо для него (возможно, как ближняя к королевской особе священная обитель). К этому следует добавить, что сам автор не был горожанином, а значит ему были чужды внутренние интересы и события города.

¹⁹² Дефурно М. Повседневная жизнь...С.111–133.

Заключение

Подводя итог, хочется сказать несколько слов об основных темах «Хроники» Гийома де Нанжи. Основной целью его, безусловно, является возвеличивание королевской власти, доказательство ее легитимности и верховенства в феодальной иерархии.

Две плоскости, в которых разворачиваются события: мир феодальной иерархии, военной силы, справедливости в системе соподчинения - светской справедливости; и мир божественного правосудия, святости, подвижничества - монастырей, праведной и легитимной папской власти. (Хроника сообщает и о непосредственных знаках божественной воли и правосудия. Стихийные бедствия, чудеса и роковые случайности, рассказы о которых составляют существенную часть текста, сопутствуют важным политическим событиям, маркируют их.) «Церковная история» играет в хронике немалую роль. Монастыри освящают территорию, и, отчасти, все происходящее на ней. Процветание монастырей служит доказательством праведности французского народа, французского короля, который его олицетворяет.

Действия пап и аббатов, также имеют не только прямое значение для хода политических событий, но и косвенное: подчеркивая многочисленные контакты короля с Папой, автор указывает на признанность Франции Римской церковью, утверждает ее как силу, поддерживающую королевскую власть, более того – подчеркивает, что «по обычаю» Папа обращается за помощью к французской короне.

Что же касается городов, то они в сознании автора выступают лишь как часть общества, где господствует знать и где главными являются вассально-сеньориальные связи. В отличие от Гвибера Ножанского, Гильом из Нанжи был склонен рассматривать историю через призму королевской политики. Может показаться, что историк вообще не признает горожан как значимую силу – в хронике действуют лишь представители первых двух сословий. Лишь в контексте двух этих ценностных систем – рыцарской и церковной - происходит что-либо существенное для автора. Город имеет значение, если

является выражением силы феодального сеньора или святости духовного лица. Однако этот результат не стоит рассматривать как отрицательный. Такое положение дел говорит о том, что города воспринимались как часть средневекового общества, и что многие современники не видели причин для конфликта между военной, сеньориально-вассальной иерархией и городами. Горожане не воспринимались как враждебная для средневекового общества сила. Именно в этом смысле хроника Гильома де Нанжи интересна нам и позволяет уточнить те акценты, которые делал О. Тьерри. Горожане стали третьим сословием, но они превратились в него, пройдя долгий период существования в рамках средневековой системы власти. Интересно также отметить, что город в сознании человека Средневековья был частью той системы ценностей, которая брала начало еще в сочинения Августина Блаженного. Интересно, поэтому, что главным городом считался Рим по причине господства церковных представлений, в рамках которых он символизировал моральное руководство папой всей Европой.

Необходимо отметить, что на протяжении хроники Гийома де Нанжи, которая охватывает (вместе с продолжением) достаточно продолжительный период (1113-1368 гг.) значение города возрастает. Города упоминаются как предмет спора, с ними чаще бывают связаны существенные политические события, однако для автора город остается будто лишь одной из форм ландшафта или королевского домена. Упоминаются они до самого конца хроники только в связи с феодальными конфликтами либо стихийными бедствиями, предоставляя весьма скудные сведения о внутренней жизни города.

Крайне важно для данной работы, что очень редки в хронике эпизоды, где под словом город подразумевается сообщество горожан, действующий субъект политической жизни, которые бы не были связаны вассальной связью с кем-либо. Однако тот факт, что эти эпизоды присутствуют, говорит о том, что даже для историка, чья точка зрения была полностью на стороне господствовавшей военной знати, были видны зарождавшиеся основы нового

городского сословия. К тому же, можно предположить, что такое невнимание к городу со стороны Гийома объясняется и прочностью в городах королевской власти, отсутствием необходимости утверждать ее, подобно верховенству в феодальной иерархии.

В тексте «Хроники» Гийома де Нанжи Париж не имел большого значения на всем ее протяжении. Тому может быть несколько причин. Наиболее существенным кажется тот факт, что в качестве «города французских королей» в данном тексте фигурирует скорее Реймс – город коронации, город, где утверждается сакральное значение королевской власти, первичное по отношению к политическому. Аббатство Сен-Дени, где Гийом писал свою хронику, более значимо для него (возможно, как ближняя к королевской особе священная обитель). К этому следует добавить, что сам автор не был горожанином, а значит, ему были чужды внутренние интересы и события города, которые он очевидно считал несущественными для своего сочинения.

Несмотря на это, в хронике ясно прослеживается усиление городов в течение XII - XIII в. Применительно к началу XII в. Гийом де Нанжи говорит о городе (вернее, не говорит) как о части владений сеньора и трудно представить, чтобы город обладал в тот момент собственной политической инициативой. Однако, уже к концу XII в. и позднее город усиливается настолько, чтобы вести самостоятельную политику: встречаются эпизоды, где города выступают в союзе с королем против своего прежнего сеньора или же оказывают военную поддержку королю по его просьбе. Правда, остается открытым вопрос относительно того, в каком качестве тогда выступали горожане и как они оценивали свой союз с королевской властью. Выступали ли для них король всего лишь как сеньор их сеньора, а их бывший сеньор — вассалом короля? Или же он виделся как представитель верховной власти, который, как когда-то каролингские императоры, имел полное право господствовать над всеми сословиями в силу наследования Римской империи? Этот вопрос остается в хронике без явного ответа. Однако можно

утверждать на основании всего рассмотренного материала, что города были включены в систему сеньориально-вассальных связей, причем скорее военного характера. Города рассматривались Гийьомом де Нанжи прежде всего как укрепления и крепости, а не как системы владения земельной собственностью. Город в хронике являлся частью средневекового мира.

Список использованной литературы

1. Froissart J., Les Chroniques. Livre IV/ Ed. J.A.C. Buchon. Chroniques Nationales francaises XIII-XIV siecles. Vol. XII. Paris, 1825.
2. Guillelmi de Nangiago, Chronicon / Chronique Latine de Guillaume de Nangis / Ed. H. Geraud. Vol. I. Paris, 1843.
3. Guillelmi de Nangiago, Chronicon / Chronique Latine de Guillaume de Nangis / Ed. H. Geraud. Vol. II. Paris, 1843.
4. Библия. (Библия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2004 – Режим доступа: <http://biblia.org.ua/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – 20.04.2016).
5. Гвиберт Ножанский. Восстание Ланской коммуны// Социальная история средневековья/Под ред. Е.А.Косминского, А.Д.Удальцова. – М., 1927.
6. Дневник парижского горожанина. / Пер. Л. Зои. (Дневник парижского горожанина [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2001– Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Pariz_gorozanin/index05_14.phtml, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – 24.04.2016).
7. Рихер Реймский, История. / Пер. А.В. Тарасовой. (Рихер Реймский. История [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 2001– Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Richer/frametext1.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – 01.05.2016).
8. Акимова Е.Ю., Восприятие горожанами королевской власти: торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара)//Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 18. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2007. С.71-85
9. Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.4. Extra muros: город, общество, государство. / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2000. С. 65-78

10. Брагина Л.М. Средневековый город Италии. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 42 - 60
11. Бродель Ф. Что такое Франция? Т.1/Пер. с фр. С.Н.Зенкин, В.А.Мальчина. М.:Издательство им.Сабашниковых, 1994
12. Вебер М. Избранное. Образ общества./ Пер. с нем. М.: Изд-во „Юрист“, 1994.
13. Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII –XIV столетиях. Казань: Литография императорского университета, 1919.
14. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
15. Дефурно М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк. Пер. с фр. / Пер. Н. Ф. Василькова. СПб.: Изд. группа Евразия , 2002
16. Дмитриева М.Г. «Доброе правительство» в Сиене: реальность и идеал // Проблемы современной науки. Ставрополь, 2013. С. 157-163
17. Донецкий П.Б. От епископа до башмачника: жители Лана в восприятии Гвиберта Ножанского (на материале «De vita sua sive monodiarum»)//Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 19. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2008. С. 276-286
18. Кнабе Г.С. Внутреннее пространство: дом, город, общество// Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 224-233
19. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. — М.: Изд. группа Прогресс, 2001.
20. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
21. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М., 1994.
22. Медведев М.Ю. «Зима средневековья» в поздних девизах французских королей// Средние века, Вып.61. М., 2000. С. 202-216

23. Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 234-240
24. Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в средние века. Пермь: Типография губернского земства, 1919.
25. Пастуро М. Символическая история Европейского Средневековья. – СПб.: Alexandria, 2012.
26. Пиренн А. Средневековые города Бельгии. – СПб.: Евразия, 2003.
27. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков./ Пер. с франц. С.П. Моравского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
28. Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: Некоторые общие проблемы// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 9-38
29. Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI-XIII веков). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1969.
30. Стародубцева Л.В. «Городская стена» как духовная конструкция // Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 248-258
31. Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия/ Пер. с франц. Р.Ю. Виппера. М., 1899.
32. Уваров П.Ю. Города средневековой Франции// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 60-73
33. Уваров П. Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. 1992. М., 1994. С. 175-193.

34. Усков Н.Ф. Монастыри в городе// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т.1. Феномен средневекового урбанизма/ Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 284-312
35. Цатурова С.К., «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV-XV вв.)//Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М., 2004. С. 216-248
36. Элиаде М. Космос и история./ Пер. с франц. и англ. М.: Изд-во “Прогресс”, 1987.
37. Ястребицкая А.Л., Европейский город (Средние века – раннее Новое время). Введение в современную урбанистику. М., 1193.
38. Ястребицкая А.Л. Средневековый город и проблемы Европейской урбанизации в свете современного исторического знания. // Город как социокультурное явление исторического процесса./ Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 100-105
39. Bates D. West Francia: the northern principalities //СМН. Vol. 3. Pt 2. Cambridge, 2008.
40. Johanek P. Merchants, markets and towns // СМН. Vol. 3. Pt 1. Cambridge, 2008.